

ХРЕСТОМАТИЯ

РУБАКИН
Николай
Александрович

Профессиональная библиотека школьного библиотекаря

**Рубакин Николай
Александрович. Хрестоматия**

«Ассоциация школьных библиотекарей
русского мира (РШБА)»

2014

ББК 78.303я7

Рубакин Николай Александрович. Хрестоматия / «Ассоциация школьных библиотекарей русского мира (РШБА)»,
2014 — (Профессиональная библиотека школьного библиотекаря)

ISBN 978-5-91540-106-7

Хрестоматия отражает материалы о жизни и деятельности Н. А. Рубакина, его вкладе в мировое читателеведение, самообразование, просвещение, библиопсихологию. Материалы хрестоматии адресованы библиотекарям и другим специалистам в области чтения, студентам библиотечно-информационных факультетов. Это уникальный материал для освоения наследия Н. А. Рубакина в рамках образования и самообразования. Его творчество остаётся актуальным и содержит научную и практическую перспективность читательского развития в обществе знаний.

ББК 78.303я7

, 2014

ISBN 978-5-91540-106-7

© Ассоциация школьных
библиотекарей русского мира
(РШБА), 2014

Содержание

Предисловие	7
А. Н. Рубакин. Николай Александрович Рубакин	9
Раздел I. Основные работы Н. А. Рубакина	16
Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения Н. А. Рубакина	16
Вместо предисловия	16
I. Богаты ли мы книгами?	17
II. Как распространяются у нас книги?	18
III. Богаты ли библиотеки хорошими книгами?	19
IV. Состав нашей читающей публики	23
V. Много ли читают на Руси?	25
VI. Что читает наша публика?	25
VII. Любимые авторы русской читающей публики	26
VIII. Читатель из народа и его изучение	27
IX. Типы читателей из народа	29
X. Интеллигенция из народа	30
XI. Читатели из фабричных рабочих	30
Заключение	31
Среди книг	33
Предисловие к первому изданию[5]	33
Предисловие к первому тому второго издания	36
Введение. Книжные богатства, их изучение и распространение.	40
Научно-библиологический очерк	
Глава I. Сущность книжного дела и общий обзор его	40
Глава II. Общий очерк теории библиотечного ядра	51
Глава VI. Читатель и книга	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

авт. – сост. В. А. Бородина, С. М. Бородин
Рубакин Николай
Александрович. Хрестоматия

© Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014

© В. А. Бородина, С. М. Бородин (сост.), 2014

* * *

Николай Александрович Рубакин (1862–1946)

Предисловие

Хрестоматия (*греч. chrestomátheia, om chrestós – полезный и manthano – учусь*), как правило, представляет собою сборник систематически подобранных материалов произведений или избранных отрывков из них, а также статей и различных документов по какой-либо отрасли знания. Обычно хрестоматии создаются в учебных целях и включают материалы в соответствии с целями обучения определённому учебному предмету или для самообразования. К сожалению, не удалось найти хрестоматий, посвященных творчеству одного человека, именно хрестоматий, а не сборников трудов. Возможно, такой опыт будет реализован впервые.

Беспримерный труд и уникальное наследие Николая Александровича Рубакина заслуживают того, чтобы увековечить его память и в таком жанре, как хрестоматия. В этимологии слова «хрестоматия» есть два значимых слова: «полезный» и «учусь». Нам всем, причастным к читателеведению и читателеведению, весьма полезно поучиться не только у самого Рубакина, но и тому, как мы осваиваем его наследие, представляющее культурно-историческую ценность. То, что его 150-летие со дня рождения пришлось на год, объявленный годом истории России, можно рассматривать как определенный знак.

Поражаешься, как один человек мог столько сделать? Колоссальный объём работы, абсолютная новизна и перспективность в книговедении, читателеведении, библиографоведении, теории и практике самообразования и просвещения. Л. В. Разгон назвал его последним энциклопедистом. Говорили о нём и как о лоцмане книжного моря. Он – человек, любивший книгу и искавший истину. В серии «Жизнь замечательных людей» о нём написана книга.

Нельзя сказать, что труды Рубакина не очень доступны специалистам. О его вкладе в науку о чтении, книге, просвещении написано достаточно много. Но целостного представления нет. Да и трудно это сделать. Тогда будет ни один том. Бесспорно, Н. А. Рубакин заслуживает полного собрания сочинений его трудов, включающее и архивные (неопубликованные) материалы, хранящиеся в РГБ под шифром «Рб».

А пока можно порадоваться тому, что появилась возможность хотя и не в полном объёме, но достаточно целостно представить творчество Н. А. Рубакина в формате хрестоматии. Это даст возможность специалистам, в том числе и школьным библиотекарям, учиться гражданскому подвигу патриота России, призывавшего **«всегда и везде служить возвышению читателя»** с помощью книги – **«могущественнейшего орудия борьбы за истину и справедливость»**.

Подходы к структуре и содержанию хрестоматии могут быть различными. В данную хрестоматию включены: краткая биография Н. А. Рубакина, тексты основных трудов в сокращённом варианте; некоторые публикации, анализирующие его творчество; афоризмы, высказывания и оригинальные термины; календарь значимых дат жизни и выхода трудов, библиографический список его работ и о нём; иллюстративные материалы (портреты, обложки книг и др.). Основа представления материала – хронология, чтобы увидеть движение и развитие научных и практических идей самого Рубакина, их освоение в определенном культурно-историческом контексте.

Н. А. Рубакин написал много популярных работ, имевших значительный успех: «Из мира науки и из истории мысли», «Рассказы о друзьях человечества», «Испытания доктора Исаака», «Рассказы о великих и грозных явлениях природы» (4 изд.), «Вода» (4 изд.), «Рассказы о делах в царстве животных» (2 изд.), «Рассказы о Западной Сибири» (2 изд.), «Рассказы о подвигах человеческого ума», «Приключения двух кораблей» (2 изд.), «Чудо на море» (2 изд.) и др. Его научно-популярные книги были изданы на 28 языках.

Прочитать всего Рубакина современным библиотекарям, учителям, студентам библиотечно-информационных, педагогических и психологических вузов вряд ли под силу. Барье-

рами являются значительный объём его работ, во многом устаревшая научная терминология, своеобразие языка, изменившаяся социокультурная среда и общественный уклад. Данная хрестоматия позволит представить наследие Н. А. Рубакина целостно в разнообразии идей, фактов, решений.

Произведения Н. А. Рубакина печатаются с сокращениями. Опущены места, имеющие, как образно говорил сам Рубакин, «интерес пункта и момента», т. е. подробности, важные для того времени, но утратившие ныне свой интерес, излишне детальные статистические данные, списки имен и названий, ныне явно устаревшие, мало что говорящие современному читателю. Пропуски отмечены знаком <...>.

Тексты публикуются по изданиям, указанным для каждого раздела.

*В. А. Бородина – профессор кафедры библиотековедения и теории чтения
Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств,
доктор педагогических наук.*

А. Н. Рубакин. Николай Александрович Рубакин

// Рубакин Н. А. Избранное. В 2 т. – М.: Книга, 1975. –Т. 1. – С. 3–16.

Г. В. Плеханов, близко знавший Н. А. Рубакина и долгие годы друживший с ним, когда-то писал о нем: «Среди русских писателей Н. А. Рубакин занимает особое место». Это «особое место» было совершенно необычайным.

Каждый писатель любит книги, любит свои произведения и очень чувствителен к мнению читателей о своих произведениях, Н. А. Рубакин поставил вопрос об отношениях между читателем и книгой, читателем и писателем на совершенно другую почву. Он задался вопросом изучить – а почему читатель чувствителен к тому или другому писателю, какая внутренняя связь между личностью писателя и читателя, почему та или иная книга действует на одного читателя и не действует на другого? Какая закономерность во влиянии книги и писателя на читателя? Иначе говоря, Рубакин поставил вопрос об изучении читателя, в то время как раньше и писатели и критики изучали главным образом личность и психологию писателя.

Но Рубакин не только поставил проблему изучения читателя и его взаимоотношений с писателем и с книгой. Он писал научные книги, понятные и нужные для любого, самого неподготовленного читателя; изучал интересы и желания читателей в связи с их социально-экономическим положением и их психическим типом; создавал для них литературу в соответствии с их типами, составлял индивидуальные и массовые программы чтения; занимался проблемами организации библиотек и «библиотечного ядра»; создал научную теорию, изучающую психологию читателя и книги, читателя и автора. Иначе говоря, Рубакин первый не только у нас, но и во всем мире попытался поставить на научную основу вопрос о причинах воздействия книги на читателя. Надо сказать, что ни происхождение, ни характер социальной среды, в которой он родился и рос, не подготовляли Рубакина для такого рода деятельности и творчества. Он вышел из купеческой среды, где книгой не интересовались, чтение считали вздорным занятием. Общие, характерные для мелкой буржуазии всех стран мира черты в этой среде обострялись недостатком культуры, устаревшим складом жизни, предвзятыми и зачастую дикими понятиями.

Здесь только кратко изложена биография Н. А. Рубакина, более подробные сведения о жизни писателя читатель найдет в книгах: «Лоцман книжного моря» А. Н. Рубакина (М., 1967), «Под шифром “Рб”» Л. Э. Разгона (М., 1966) и в его же очерке «Последний энциклопедист», напечатанном в сборнике «Пути в незнаемое» (1964, вып. 4), «Н. А. Рубакин» К. Г. Мавричевой (М., 1972).

Николай Александрович Рубакин родился 1 (13) июля 1862 г. в маленьком, глубоко провинциальном (несмотря на свою близость к столице – Петербургу) городке Ораниенбауме, ныне переименованном в город Ломоносов.

Отец его, купец второй гильдии Александр Иосифович Рубакин, торговал лесом, содержал бани и имел несколько домов в центре города. В одном из них и родился будущий писатель. (Улица, на которой находился этот дом, ныне по постановлению Ломоносовского исполкома названа именем Н. А. Рубакина.) Отец Николая Александровича был человеком в делах очень честным, но неудачливым и в конце своей жизни растерял почти все состояние. По-видимому, хотя он был потомком старинного купеческого рода, не имел он коммерческой жилки.

Верный своей среде, он не стремился дать двум сыновьям, Михаилу и Николаю, образования и с ранних лет стал приучать их к торговле.

Происходил он из старообрядцев, был религиозен, уважал начальство, но не любил из чисто плебейской гордости чиновников и дворян. В течение восемнадцати лет он был городским головой своего родного города. На сына он оказал очень мало влияния.

Мать же Николая Александровича, Лидия Терентьевна, тоже из старинной купеческой старообрядческой семьи, была типичной «шестидесятницей», знакомой с идеями своего времени, пламенной сторонницей свободы и образования, а также борьбы за права женщин. Она много читала, любила книги и собирала их, училась сама – дома, так как не получила систематического образования, самостоятельно выучилась французскому языку и даже переводила с него книги. Она участвовала в кружках, в которых бывал Д. Писарев. На сына она оказала большое влияние, приучила его к чтению, внушила ему любовь к книгам и к знанию и добилась того, что оба сына поступили в реальное училище в Петербурге, куда семья переехала в 1875 г. Оба брата кончили реальное училище. Младший, Михаил, пошел в Технологический институт и сделался инженером. А старший, Николай, твердо решил идти в университет. Но для этого требовалось сдать экзамен на аттестат зрелости, в частности по древним языкам, которые в реальном училище не преподавались. Училища Николай Рубакин не любил. Преподавание было сухим, скучным. Только учитель русского языка относился к Рубакину хорошо и прочил ему будущность писателя. Когда речь зашла о поступлении в университет, молодой Рубакин проявил все свои способности: за тринадцать месяцев он подготовился самостоятельно к экзаменам и сдал их блестяще.

Отец Рубакина вначале был против образования сыновей, и только мать его смогла отстоять для сыновей право продолжить учение. Отношение отца к образованию сына изменилось после того, как шестнадцатилетний юноша напечатал в журнале «Детское чтение» (1877 г.) свою первую научно-популярную статью «Обоготворение животных» и даже получил за нее гонорар в 16 рублей. Это заставило отца, не желавшего, чтобы сын стал писателем, готовившего его для коммерческой деятельности, иначе взглянуть на профессию, которую еще мальчиком избрал Николай Рубакин. Раньше отец противился тому, чтобы сыновья продолжали образование в Петербурге, в высших учебных заведениях, а после публикации статьи согласился на это. Николай поступил в университет, на естественное отделение физико-математического факультета.

Характерной чертой Николая Александровича Рубакина было то, что он чуть ли не с самого детства наметил свой жизненный путь и следовал ему неукоснительно всю жизнь. Поставив перед собой цель – стать ученым, он добился этого. Решив быть энциклопедистом, он им стал. Решив заняться популяризацией науки для трудящихся – рабочих и крестьян, он стал любимым ими популяризатором научных знаний и пропагандистом самообразования.

Еще студентом Рубакин обнаружил это призвание – быть энциклопедистом, стремиться знать все. В Петербургском университете, по окончании которого он получил золотую медаль за свою научную работу, он прослушал не только курс естественного отделения физико-математического факультета, но и курсы двух других факультетов – юридического и историко-филологического. <...>

В бытность студентом Рубакин подвергся первым репрессиям царского правительства.

Впоследствии, когда Н. А. Рубакин уже стал писателем, его неоднократно ссылали, более того, он даже был выслан за границу «навсегда» министром внутренних дел Плеве. Только после того, как Плеве в 1904 г. был убит боевой организацией социалистов-революционеров, Рубакин получил возможность вернуться на родину.

Тем не менее в 1907 г. ему пришлось как политическому эмигранту покинуть Россию. Он продолжал жить и работать в Швейцарии многие годы после революции. Но и там, всю его жизнь, как он сам писал и как это действительно было, он «работал для России, всегда и только для России».

Он был действительно глубоко русским и пламенным русским патриотом. Но в то же время был последовательным интернационалистом, убежденным сторонником социализма, энтузиастом революции, которую он воспринял с восторгом. Однако вследствие долгой жизни за границей он оторвался практически от русской жизни, многого в ней не понял.

В период после Первой русской революции – в начале своей эмиграции в Швейцарии – Рубакин, живя в Кларане, завязал тесные связи и дружеские отношения с русскими политэмигрантами, жившими тогда в Швейцарии, в частности в той же местности, где жил и он и где находилась его библиотека. Рядом с ним жили Луначарский, Трояновский, Крыленко, Инесса Арманд, Вера Фигнер и многие другие будущие крупные государственные и партийные деятели Советского государства. Они широко пользовались его библиотекой, особенно В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Тогда же состоялось и личное знакомство Рубакина с Лениным, который постоянно брал книги в его библиотеке или выписывал их по почте, когда жил в Женеве, Цюрихе и других городах.

Когда началась Первая мировая война, около Кларана в Монтре возник русский клуб, в который вошли, с одной стороны, русские политэмигранты, жившие в Швейцарии, а с другой – состоятельные русские, приехавшие на отдых или для туризма в Швейцарию и не вернувшиеся в Россию из-за войны. Рубакин был одним из создателей и руководителей этого клуба, в котором выступали Членов, Крыленко, Трояновский, Луначарский и в котором выступил с докладом о войне В. И. Ленин.

После революции Рубакин продолжал жить в Швейцарии, так как здоровье его значительно ухудшилось. Материальное положение его в это время было тяжелое, приходилось довольствоваться небольшими случайными литературными заработками. Советское правительство назначило ему особую персональную пенсию, которая позволила ему жить и работать до конца дней, на эту пенсию он содержал библиотеку и все время пополнял ее. Ему присылали в дар свои книги многие выдающиеся ученые и писатели.

В первые годы после революции (1918 – 1919) Рубакин написал на французском и немецком языках ряд брошюр о причинах и характере Великой Октябрьской социалистической революции («Что такое русская революция»; Биография В. И. Ленина и другие). Они были изданы во Франции, в Швейцарии, Германии, Чехословакии. В этих брошюрах он разъяснял причины и сущность социалистической революции, знакомил с биографиями ее выдающихся деятелей. Окрепили его международные связи.

Рубакин публиковал реферативный материал о советских книгах в изданиях Международного института интеллектуального сотрудничества при Лиге Наций и сыграл видную роль в ознакомлении зарубежных стран с советской литературой. Советские книжные органы – издательства, Книжная палата, ВОКС, Библиотека им. В. И. Ленина – присылали ему множество изданий для ознакомления. У Рубакина установились связи среди европейских ученых и писателей, в частности он очень сблизился с Р. Ролланом. Он резко протестовал против Версальского мира и сурово осудил Первую мировую войну.

В Швейцарии было создано большинство теоретических работ Рубакина, закончено второе издание крупнейшей его работы – «Среди книг». Здесь же Рубакиным была разработана и его теория библиопсихологии, написан ряд научно-популярных книжек, собрана вторая библиотека, еще больше и лучше первой.

В Швейцарии же им был основан Международный институт библиопсихологии, в который он привлек ряд крупных европейских ученых – психологов и библиографов.

Во время Второй мировой войны в Швейцарию из фашистской Германии бежало много советских военных и гражданских лиц, томившихся в немецких концлагерях. Советские люди, интернированные в швейцарских лагерях, связались с Рубакиным, некоторые даже приезжали к нему домой в Лозанну. Рубакин очень сердечно к ним относился, снабжал их книгами из своей библиотеки. Всего он передал для лагерей около десяти тысяч книг из своей библиотеки. В тяжелых условиях жизни вдали от Родины русские книги были для этих людей огромной радостью, поддерживали в них бодрость и веру в будущее. Рубакину посчастливилось дожить до победы советского народа, которую он воспринял с огромной радостью, но которую пережил всего на один год – он умер 23 ноября 1946 г.

Условно деятельность Рубакина можно распределить по нескольким основным направлениям: теория и практика библиотечного дела, руководство самообразованием и создание огромной научно-популярной литературы, изучение читателя и книги, разработка теории чтения, с классификацией читателей по их психологическим типам. На деле все эти направления тесно связаны друг с другом и составляют единое целое в деятельности Рубакина.

Рубакин сыграл огромную роль в деле просвещения русского народа, прежде всего рабочих и крестьян. Еще мальчиком он начал писать научно-популярные статьи для малограмотного и неподготовленного читателя. В то время в России только небольшая часть населения обучалась в школе, школ для народа было мало, знания в них давались самые элементарные.

В конце 80-х и начале 90-х годов в России появился новый читатель – городской рабочий и крестьянин на селе. Рубакин их называет начетчиками – устаревший термин, который обозначал книголюба, любителя чтения. В трудящихся массах родилась необычайная тяга к знанию, а следовательно, и к книге. Появилась, наконец, огромная тяга к самообразованию.

Рубакин разделял образование в России на четыре категории: начальное, среднее, высшее и самообразование. В условиях того времени самообразование приобретало особое значение, поэтому деятельность Рубакина была очень своевременной. Рубакин выступил именно тогда, когда появился новый читатель из трудящихся масс, требовавший книг и руководства самообразованием. В ответ на потребность масс в самообразовании во многих городах и учреждениях были созданы программы для самообразования, правда, не всегда точно отражавшие нужды новых читателей. Рубакин считает, что проблема самообразования была четко поставлена в 1893 и 1894 гг. Вот как он пишет в «Среди книг» о зарождении нового читателя: «С того же года, как появились программы, начинается, как известно, небывалое оживление на русском книжном рынке, – внешний признак весьма глубокого перелома, совершившегося около того же времени в сознании не только культурных кругов русского общества, но и русского рабочего народа.

И в городах, и на фабриках, и даже в деревнях проявился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество. Читатель этот выступил не только враздробь, в виде отдельных самоучек, современных светских начетчиков, но и целыми массами, и проявил дотоле небывалую требовательность не только к книге, но и к жизни, к тем условиям, которые уже много десятков и даже сотен лет держат ее в своих гнетущих и обезличивающих тисках».

В то время Рубакин не мог прямо назвать условия царского режима и капиталистической эксплуатации, на которые он здесь намекает в форме, вполне понятной тогдашнему читателю. «Этот нарастающий читатель начинал, – пишет дальше Рубакин, – и к тому же усиленным темпом, не только “почитывать”, но и “подумывать”, он даже как будто готовился к действию, то полусознательно, а то и просто стихийно побуждаемый к активной деятельности, не только в столицах, но и в провинциях, целым рядом тяжелых бедствий начиная с конца 80-х и начала 90-х годов. Появился невиданный дотоле спрос на научную и научно-популярную книгу. Развилась до необычайных размеров книгоиздательская деятельность... с Павленковым, и с только что возникшей тогда фирмой О. Н. Поповой во главе...»

Н. А. Рубакин выдвинул идею о необходимости самообразования, которое одно только могло дать знания широкой массе жаждущих его крестьян и рабочих. Но Рубакин правильно считал, что самообразование – это основа образования для всех, оно необходимо и тем, кто кончил школу. Теперь мы знаем, что оно необходимо и в наше время, потому что только самообразование делает человека всесторонне образованным.

Прежде всего Рубакин разработал план распространения знаний при помощи библиотек, расширяя и обогащая свою собственную библиотеку, открытую для всех. Но библиотеки могли охватить только сравнительно немного людей, живущих недалеко от них. Подавляющее

большинство городов в России не имело библиотек, библиотеки не располагали средствами. В 1895 г. Рубакин выпустил одну из самых замечательных своих книг – «Этюды о русской читающей публике», в которой на основе огромной документации и личных наблюдений показал ужасающую картину народного просвещения в России, печальную судьбу библиотек и книг.

В этой же книге он выдвинул идею изучения читателя, принцип подбора для него подходящих книг на основании определения его психического типа, изучения его жизненных условий, классового и экономического положения и т. д. Идеи, высказанные и обоснованные в этой книге, Рубакин развивал и углублял всю жизнь.

Доказывая необходимость научно-популярных книг для народа, Рубакин вместе с тем резко критиковал теорию «особой литературы для народа», сторонники которой считали, что народ не созрел для чтения серьезной литературы, не понимает ее и что для него надо писать особые книжки, вроде как для детей.

Рубакин показал, что народ жаждет знаний, что он может самостоятельно выбирать то, что ему нужно, если дать ему возможность приобретать книги по дешевой цене. А книги тогда были дороги и практически недоступны для рабочих и крестьян.

Изучая русскую научную литературу того времени, Рубакин видел, как мало было научно-популярных книжек, а по целому ряду важных вопросов и отраслей науки они вообще отсутствовали. Преобладали к тому же книги переводные, рассчитанные на другого, более культурного читателя.

И вот Рубакин принял решение, которое теперь нам кажется невероятно трудным: он решил сам написать популярные книжки по всем вопросам науки. За свою жизнь он создал свыше двухсот восьмидесяти научно-популярных книжек.

Книги эти были написаны ясным, простым языком, их мог понять самый малограмотный читатель. А тогда в России 75 % населения было неграмотно, да и у грамотных не было ни средств, ни возможности читать, пополнять свои знания, привыкать к книге, к чтению.

Рубакин не только создавал научно-популярные книжки, он учился у своих читателей писать их; выработал свой язык, изучая язык своих читателей. Насколько его книжки были любимы читателями, видно из того, что они разошлись в количестве свыше 20 млн экз. Не было сколько-нибудь грамотного рабочего или крестьянина в России, который не читал бы книжек Рубакина и не знал бы его имени.

Читатели знали Рубакина не только по книгам. Рубакин вел с ними личную переписку, давал советы, составлял программки для чтения применительно к психическому типу каждого читателя. С 1889 по 1907 г. он переписывался с 5189 читателями, а с 1911 по 1915 г. – еще с 5507, а всего за свою жизнь он был в переписке с более чем 20 000 читателей. Почти вся переписка сохранилась в его архиве.

Он составил для своих корреспондентов свыше 15 000 индивидуальных программ чтения и самообразования. Такого размаха просветительской работы, выполненной одним человеком, не знала Россия. Постоянное общение с читателями, изучение их, работа с библиотеками, с издательствами, в журналах – все это позволило Рубакину разработать принципы изучения читателя, использования книг, наиболее экономного в смысле времени и средств, индивидуализации чтения. Вся теоретическая работа Рубакина основывалась на его громадном личном опыте, личных наблюдениях, документации, полученной непосредственно от читателей.

Созданная им позже наука – библиопсихология, наука о читателе, чтении, авторе и книге, явилась результатом экспериментальных наблюдений и обработки фактического материала.

<...>

Рубакин считал, что каждый человек может быть не только читателем, но и писателем. Даже письма читателей к нему он рассматривал как начало писательского труда. Некоторые из его читателей впоследствии стали известными писателями – А. С. Новиков-Прибой,

А. А. Демидов, Павел Низовой и др. Рубакин направил их на путь писательства. Неудивительно, что на всю жизнь они сохранили любовь к нему.

Рубакин разработал принципы организации библиотечного дела. Исходя из того, что «библиотека должна быть отражением Вселенной», Рубакин предложил в каждой библиотеке создавать «библиотечное ядро», т. е. круг книг для чтения, который отражал бы эту Вселенную, был бы тем минимумом, который нужен каждому человеку для понимания жизни и Вселенной.

В области самообразования Рубакин проделал колоссальную теоретическую и практическую работу, создал разнообразные рекомендательные каталоги, написал «Письма к читателям о самообразовании», «Практику самообразования».

Еще мальчиком в библиотеке своей матери Рубакин научился, как он говорил, «фехтовать» книгой, т. е. узнавать тип и характер читателя и давать ему те книги, которые, по его мнению, для этого читателя «подходили». Отсюда родилось и его теоретическое положение о «подходящей» книге, развитое им впоследствии в созданной им новой науке – библиопсихологии.

В 1922 г. Рубакин выпустил в Париже двухтомный труд на французском языке (в переводе сына – А. Н. Рубакина) под заглавием: «Введение в библиологическую психологию». В этой книге уже было высказано большинство идей, легших впоследствии в основу его книги «Психология читателя и книги», вышедшей в Москве в 1928 и 1929 гг.

В статье «Тайна успешной пропаганды», написанной в 1926 г., Рубакин говорит, что созданная им наука «библиопсихология» «экспериментально доказывает, а теоретически обосновывает главный принцип научно поставленной пропаганды: бытие – это значит та реальность, которая поставляет каждому из нас самый материал для наших дум и чувств... Социальная среда или строй социально-экономических производственных отношений – таков тот источник, который поставляет каждому из нас тот запас горючего материала, какой и воспламеняется искоркой – словом».

В конце 20-х и начале 30-х годов работы Рубакина стали предметом резких нападок со стороны советских критиков и книговедов, и родившаяся из этих работ созданная Рубакиным новая наука – библиопсихология – была объявлена мелкобуржуазной идеалистической теорией. <...>

В настоящее время многие из идей Рубакина получают признание и вызывают живой интерес. Исследования Рубакина в области библиопсихологии были использованы в психолингвистике, разрабатываемой проф. А. А. Леонтьевым и др.

Теория библиопсихологии была встречена с большим интересом, но и с не меньшей критикой в Западной Европе и в США, и этот интерес продолжает расти. В 1968 г. в Англии издательством Клайв Бингли в Лондоне было предпринято издание «Классиков книжного дела», и первой в этой серии была книга «Николай Рубакин и библиопсихология» под редакцией С. Симсовой.

В СССР число статей, посвященных изучению работ Рубакина в области библиопсихологии, за последние годы значительно выросло. Появились и работы, отмечающие положительные идеи Рубакина в этой области. Таковы, например, статьи Ю. А. Сорокина «Библиопсихологическая теория Н. А. Рубакина и смежные науки» («Книга. Исследования и материалы», 1968, сб. 17, с. 55), его же «О статье Н. А. Рубакина “Тайна успешной пропаганды” в сборнике «Речевое воздействие (Проблемы прикладной лингвистики)» в 1972 г. В этом же сборнике впервые напечатана и статья Н. А. Рубакина «Тайна успешной пропаганды».

Мы думаем, что в работах Рубакина имеется много еще недостаточно известных, глубоких мыслей, которые будут разрабатываться нашими книговедами. «Шелуха» будет отброшена, а оригинальные, новые, глубокие мысли станут достоянием советского книговедения.

Громадное наследие Рубакина сейчас изучается, из него берется все современное, актуальное, его идеи проникают в современное книговедение.

Изучение читателя, изучение психологической стороны действия книги на читателя – все это представляет огромный интерес для современных критиков и литературоведов. Можно смело сказать, что Рубакин первым указал на то, что в книжном деле изучение читателя так же важно, как и изучение писателя. <...>

Желающих ознакомиться с перечнем всех произведений Н. А. Рубакина мы отсылаем к указателю Фридман и др. «Труды Н. А. Рубакина. Библиография» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 151–206) и к большой научной работе Л. М. Ивановой, А. В. Сидоровой, М. В. Чарушниковой «Архив Н. А. Рубакина» («Записки Отдела рукописей» Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, 1963, вып. 26, с. 64–150). Здесь же мы приводим только цифровые данные о работах Н. А. Рубакина.

Данные эти были составлены самим Н. А. Рубакиным и его секретарем М. А. Бетманн. Они заканчиваются 1934 г. Но и после этого Н. А. Рубакиным было еще опубликовано немало статей.

С 1875 по 1934 г. Н. А. Рубакиным было опубликовано: 350 журнальных статей, 280 книг и брошюр, 15 руководств для самообразования.

Составлено 15 000 индивидуальных программ для чтения и самообразования.

47 книг Рубакина было запрещено и уничтожено царской цензурой.

С 1894 по 1906 г. Рубакин принимал активное участие в работе нескольких крупных издательств в России (О. Н. Поповой, И. Д. Сытина и т. д.).

Научно-популярные книжки Рубакина издавались на 28 языках.

В 1919–1920 гг. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов издал 22 книжки и брошюры Рубакина тиражом 1 420 000 экз. С 1923 по 1928 г. советскими издательствами было переиздано еще 23 книжки Рубакина (тиражом 166 000 экз.).

Всего с 1889 по 1928 г. разошлось свыше 20 млн экз. книг Рубакина.

Рубакин собрал за свою жизнь две большие библиотеки. Первая – в Петербурге (80 000 томов) – была им подарена Петербургскому отделу Всероссийской лиги образования в 1907 г.

Вторая, почти в 100 000 томов, особо ценная по подбору книг, была завещана Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве, где она находится и поныне, составляя особый фонд – «фонд Рб». <...>

Иллюстративный материал к биографии помещен во вкладке.

Раздел I. Основные работы Н. А. Рубакина

Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры и наблюдения Н. А. Рубакина

// Рубакин Н. А. Избранное: В 2-х т. – М.: Книга, 1975. – Т. 1. – С. 35–104.

Вместо предисловия

«...» История литературы не есть только история писателей и их произведений, несущих в общество те или иные идеи, но и история *читателей* этих произведений. История литературы не есть только история возникновения идей, но и история распространения их в массе читателей, история борьбы этих идей за свое существование и за преобладание в читательской среде. «...» Поэтому ничто так не характеризует степень общественного развития, степень общественной культуры, как уровень читающей публики в данный исторический момент. В читателе, так сказать, отражается общественная жизнь, как в капле воды отражается окружающая среда. «...» История читающей публики – одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития.

Изучение читающей публики имеет интерес и с другой стороны. Изучение читателей и почитателей помогает изучению писателя. И обратно: изучение писателя помогает понять его почитателей. Даже более, писатель, как это уже давно замечено, до некоторой степени неотделим от своих читателей. Между читателем и писателем, между психическими свойствами первого и свойствами второго существует до такой степени тесная и тонкая связь, что они действительно составляют в известном отношении единое целое. Они не могут существовать один без другого. «...»

Каждому писателю в большей или меньшей степени соответствует та или иная читательская среда, более или менее определенная общественная группа, совокупность лиц, считающих этого писателя выразителем своих чувств, желаний и идей. Какой именно группе служит тот или иной мыслитель, поэт или публицист? Какие стремления или вожелания он собою отражает? Ответ на этот вопрос прибавляет весьма интересную и существенную черту к характеристике данного писателя.

Раздаются голоса о *литературном* оскудении, об упадке влияния лучших произведений лучших авторов на толпу, которая вполне удовлетворяется одним литературным хламом, выбрасываемым ежедневно на улицу в «изрядно большом количестве». Правы ли эти голоса? Не изменилась ли самая *область* влияния литературы? Не передвинулся ли центр тяжести из одних общественных групп или слоев в другие? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо исследование читателей – именно сравнительное изучение читателей из разных общественных групп или слоев...«...»

Изучение читателя имеет не только теоретический интерес. «...»...не мешало бы хорошенько присмотреться к самой читающей публике, исследовать эту публику в количественном и качественном отношениях. «...»

Российский читатель, и «серый» и «полукультурный», и наиболее интеллигентный, остается иксом. Он не известен не только в качественном, но даже и в количественном отношении, несмотря на то, что кое-какие материалы, позволяющие определить этот икс хоть с приближительной точностью, не только существуют, но и ежегодно накапливаются. Особенно мало сделано по отношению читателя из привилегированных классов. За последние восемь или десять

лет и общество и печать больше интересовались и интересуются читателем из народа. Этот читатель изучается и en masse¹, и в отдельности; частные лица и общества (Спб. и Московский комитеты грамотности, Харьковское общество распространения грамотности) собирают сведения о том, что он читает и как он читает, какие книги удовлетворяют его потребностям и почему, как должно составлять научно-популярные книжки, чтобы со стороны читателей из народа встретить хороший прием, быть понятными и, главное, интересными; как должно быть организовано распространение хороших книг в народной среде и т. д. <...>

Что касается материалов, которыми мы пользовались при составлении наших этюдов, то они настолько пестры и разбросаны, что затруднительно даже перечислить их. На первом плане мы должны поставить рукописные ответы на наш «Опыт программы исследования литературы для народа»². Этот «Опыт» был составлен нами в 1889 г., при участии нескольких народных учителей, учительниц и др. лиц. При составлении «Опыта» имелись в виду исключительно литература народная и читатель из народа. По многим причинам на широкое соби́рание сведений по этой программе я не рассчитывал. Но результаты оказались более значительными, чем можно было ожидать. <...>

I. Богаты ли мы книгами?

<...> Обстановка, в которой родится и вырастает русский читатель, как известно, очень резко отличается от той, в которой находится читатель западноевропейский. Этот последний растет, развивается среди грамотных людей, среди книжного обилия, среди всевозможных приспособлений со стороны государства и общества для более легкого доступа к книгам, для более быстрого обращения их в массу. <...>

Постараемся теперь проследить положение этих дел в России. Чтобы положение это сделалось для читателя яснее и выступило рельефнее, мы пойдем к нашей цели, так сказать, спиралью, постоянно суживая круги. Пройдя по всем этим кругам, мы в достаточной степени характеризуем ту книжную обстановку, ту почву, на которой родится и вырастает русский читатель. Затем мы перейдем уже к характеристике этого читателя по разным общественным группам. <...>

Стоит только познакомиться с каталогом вновь выходящих книг, чтобы заметить, что все научные отделы располагаются в два резко разделенных этажа, имеющих между собою очень мало общего, – если не считать общую бедность и оскудение: верхний этаж – сочинения специальные, доступные лишь избранным читателям, специалистам; нижний этаж – произведения, скорее похожие на детские и народные, чем на научно-популярные. <...> Старые популярные книжки разошлись, новых не имеется. Пересчитайте, много ли выходит научно-популярных книг, – вы сосчитаете их чуть ли не по пальцам. Толпе, вкусившей немного от древа науки и желающей продолжать свое самообразование, желающей читать научно-популярные книги, не из чего выбирать и нечего читать. Этим и объясняется явление, наблюдаемое во всех библиотеках, что на научно-популярную литературу 60-х гг. до сего времени запрос имеется. <...>

Словом, научный книжный багаж, отправляемый ежегодно в культурную публику, не удовлетворяет умственных потребностей целого класса людей. <...>

Что в области литературы научно-популярной наблюдается оскудение особенно сильное, доказывается множеством фактов. <...>

Наконец, есть еще обстоятельство, которое сильно благоприятствует бескнижию этого последнего, – это дороговизна книги. Книги дороги. «У нас нет дешевых книг». <...>

¹ В целом (*франц.*).

² Помещен первоначально в № 5–6 «Рус. богатства» за 1889 г., а затем вышел отдельным изданием в 1895 г.

II. Как распространяются у нас книги?

Этот факт не покажется странным, если мы бросим краткий взгляд на организацию распространения книжного дела. Книги не распространяются, между прочим, потому что, во-первых, их некому и негде распространять. Чтобы распространять доступные и интересные книги, нужно, чтобы был на них спрос, а чтобы был на них спрос, нужно по крайней мере, чтобы эти книги были известны. Русская действительность не удовлетворяет или удовлетворяет в весьма слабой степени и тому, и другому из этих условий.

Краткие сведения о книжной торговле наводят на очень печальные размышления. <...>

О захудалости книжной торговли в провинции, о невозможности нигде купить желаемую книгу, хотя бы самую ходовую (т. е. ходовую в столичном смысле), раздаются голоса и с газетных столбцов, и из писем, получаемых нами. Нельзя ничего купить, кроме учебников, почти исключительно их одних... За немногими исключениями, книжные магазины, существующие в провинции, до такой степени бедны книгами, что не могут даже ничего *показать* читателю, ничего предложить на выбор. Им остается исполнять, большею частью, лишь полдела, т. е. выписывать книги по заказу, принимать на себя комиссионерскую роль, что по закону дозволяется каждому желающему. А чтобы выписывать книгу, давать заказ, публика или должна эту книгу знать, слышать о ней, или судить по рекламам, по библиографическим заметкам, или покупать, закрыв глаза. Ничего нет удивительного, что путем книжной торговли очень трудно книге проникать в провинцию, а читающей публике почти невозможно знакомиться с книгой чрез книжные магазины. Если и для более или менее состоятельных людей из привилегированных классов приобретение книг сопряжено со многими затруднениями, то что же сказать про людей менее достаточных? Не забудем, кроме того, что в провинции цена на книгу увеличивается расходом на пересылку, который продавцы, не обижая себя, прибавляют к продажной цене книги; что больших процентов скидок не знают даже библиотеки, и, во всяком случае, эти скидки не покрывают почтовых расходов; что, наконец, в последнее время почтовая такса на пересылку произведений печати увеличена, — что уж, разумеется, распространению книг не помогло, — не забудем всего этого — и положение провинциального человека, желающего купить книгу, нам станет ясным.

Выше мы видели, что книжные магазины сосредоточены главным образом в столицах; там же сосредоточено и издательство книг. <...>

Такое сосредоточение издательской деятельности делает тем более необходимыми посредников между издателями и читателями. <...>

Все эти факты свидетельствуют о несомненно плохой организации книжного дела, невыгодной не только для публики, но и для авторов и для издателей. <...>

Быть любителем *книг* — еще не значит быть любителем *содержания* известных книг. У очень многих людей любовь глубже переплета не идет; книги, роскошно и изящно переплетенные, в красивом шкафу, импонирующие посетителю, являются простою мебелью, которая, как и всякая другая мебель, на прокат знакомым не отдается... Если даже будет доказано, что частных книгохранилищ существует в России немало, то все же нужно будет доказать, что они — сила живая, а не мертвая, что они — собрания живых душ, а не кладбища... Вряд ли это будет доказано, по крайней мере для большинства...

Посмотрим же теперь на главный источник круговращения книжного — на общественные библиотеки. <...>

В огромном большинстве губерний число общественных, т. е. открытых для всех желающих, библиотек *меньше* числа городов, другими словами, в этих губерниях в каждой есть такие города, в которых библиотек не имеется. <...>

«...»... половина городов Европейской России совсем не имеет публичных библиотек, что из двух городов в одном человек, желающий достать книгу на прочтение, должен добывать ее из иногородней библиотеки. Что это предположение близко к истине, можно видеть и по материалам, собранным в 1889 г. Спб. комитетом грамотности. В этом году комитет обратился к различным официальным и частным учреждениям и лицам с просьбой сообщить сведения по различным вопросам народного образования, как школьного, так и внешкольного. В число этих вопросов входил и такой вопрос: «существуют ли в вашей местности какие-либо библиотеки?» Более четверти всего числа полученных ответов гласили, что таких учреждений, как библиотеки, в их местности «нет», «не существует», «не имеется», «не *оказалось*» (sic): вот обычные выражения ответов, полученных Спб. комитетом грамотности. «...»

Не правда ли, отсутствие библиотек – только частичка, если можно так сказать, всеобщего отсутствия?.. «...»

Но этого мало. Как пять сотен российских библиотек тонут в обширных пространствах России, так тонет и теряется каждая библиотека в массе городского населения. Возьмем те губернии, где число библиотек больше или равно числу городов, и предположим затем, что в этих губерниях в каждом городе есть по библиотеке, которою может пользоваться все население города. Нетрудно понять, что мы предполагаем случай самый благоприятный, от которого родная действительность обыкновенно отстает далеко. Сопоставляя тогда число библиотек с числом городского населения, мы получаем следующие цифры. «...»

Что говорят эти цифры? Они говорят, что библиотеки теряются в массе городского населения, что даже в тех городах, где они имеются, район, приходящийся на каждую, громаден, что нет ни одной страны в Европе, где бы одна библиотека приходилась на столь громадное число жителей.

Библиотек мало; книга, попадающая с большим трудом в провинцию, только в редких случаях делается общим достоянием читающей публики. Но, быть может, если мало библиотек, зато в каждой много книг, и эти книги хорошие? Чтобы ответить на этот вопрос, бросим взгляд на провинциальные библиотеки, сначала общественные, потом частные и т. д.

Захудалость библиотек – явление в настоящее время обычное и широко распространенное. Если бы кто-либо взял на себя труд подсчитать число библиотек более или менее благоуденствующих и библиотек захудалых, едва влачащих свое существование, то вряд ли можно сомневаться, что ко второй категории ему пришлось бы отнести добрых две трети всех существующих библиотек. Захудалость библиотек – у нас явление хроническое, такое же хроническое, как спячка в медвежьих углах, как вечное затишье в уездных, как официальная тишь да гладь в губернских. Библиотечное дело оживало лишь тогда, когда оживала русская жизнь; оно падало, когда замирала эта жизнь. «...»

Впрочем, на общем фоне библиотечного запустения блещут кое-где и звезды. Некоторые провинциальные библиотеки, несмотря на все неблагоприятные условия существования, успели достигнуть довольно крупных размеров и развить свою деятельность довольно широко, вернее, успели вырасти быстрее других. «...»

III. Богаты ли библиотеки хорошими книгами?

...Ведь одно дело количество библиотечных книг, и другое дело качество их. Чтобы судить о книжном составе библиотеки, нужно выяснить те требования, которые к библиотеке необходимо предъявлять. Здесь мы позволим себе, ввиду чрезвычайно малой разработанности теоретической стороны библиотечного дела, сделать небольшое отступление в сторону, прежде чем рисовать дальше картину наших книжных богатств.

Идеал каждой библиотеки – не только богатый выбор книг, но и известный подбор их. Для того чтобы библиотека могла правильно работать, чтобы она могла служить не только

удовлетворению уличных и всяких иных вкусов, чтобы она была не одним развлечением, а могущественным орудием просвещения, каким должна быть книга и тем более совокупность книг – литература, совокупный труд лучших умов человечества, сокровищница его знания, мысли, чувства, стремлений и надежд, – словом, чтобы библиотека была тем, чем она и должна быть, – в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле, или, если так можно выразиться, *библиотечном ядре*, и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла работать, занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книги на прокат, получая за это плату или не получая ничего. Есть книги, которые должны быть в каждой открытой для публики библиотеке и отсутствие которых весьма невыгодно отражается на деятельности ее. Подбор книг в этом ядре должен быть и систематичен, и обширен, чтобы каждый запрос мысли, каждый порыв любознательности, в какую бы сторону мировой, общественной или личной жизни он направлен ни был, мог бы быть удовлетворен, чтобы в библиотеке нашлась книга, если и не отвечающая на данный запрос, то дающая, по крайней мере, материал для решения его. Если так можно выразиться, библиотека должна быть *книжным отражением Вселенной*. <...>

...На основании классификации явлений природы были классифицированы науки, чтобы на основании этих последних – классифицированы книги. Классификацией явлений природы должен определяться и библиотечный состав, вернее, состав ядра. Это ядро должно представлять из себя энциклопедию, хотя энциклопедию особенную, составленную из разных сочинений, разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Эта энциклопедия, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый *minimum* наук, абстрактных и конкретных, «чистых» – теоретических – и прикладных. Эта *minimum*-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна; что касается до *maximum*'а, то он не может быть определен и граничит с бесконечностью. *Maximum* определяется состоянием наук в данный исторический момент. С другой стороны, он определяется состоянием библиотечных средств. К сожалению, этот систематический *minimum* составители библиотек редко имеют в виду. Они гонятся за известными сочинениями, за именами авторов, которые сегодня читаются нарасхват, а завтра забываются навеки, но не гонятся составлять известный цикл книг, уничтожая этим все значение библиотек.

Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но и облегчать всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть такой подбор книг, который мог бы вводить в область знания людей всяких степеней образования, от низших и до высших. На этом основании хорошая библиотека должна иметь по каждой науке, во-первых, книги, сообщающие знания элементарные, изложенные настолько просто, что они будут по плечу людям, получившим образование начальное или вообще ниже среднего. Это первая категория книг в каждом отделе наук. Затем вторая категория – книги, доступные людям, получившим образование среднее (путем ли саморазвития или в каком-либо учебном заведении); наконец, третья категория – книги специальные, доступные людям с высшим или специальным образованием. При такой постановке библиотека не только развешивает перед подписчиками систему наук, заинтересовывая ими, но и показывает *возможность усваивать ее*, усваивать мировоззрение, вырабатывать взгляды во всех областях жизни и мысли. Раз библиотека составлена таким образом, раз она дает и систему книг по всем наукам, и ряд последовательных ступеней по каждой, – тогда она, действительно, будет иметь общественно-образовательное значение, сможет давать ответы на запросы пытливого ума и о том, «что есть» и «как все произошло», ответы настолько основательные и точные, какие лишь возможны в пределах современного состояния науки... Подбор книг по схеме знаний – таков первый отдел хорошо составленной библиотеки.

Второй ее отдел должен служить удовлетворению запросов еще более мучительных, чем первый отдел, запросов о том, что *должно* быть. В этот отдел входят произведения моралистов и публицистов, лучших поэтов и «мастеров прозы», успевших своими произведениями занять известное место в истории прошлого или настоящего времени. Идеалы человечества, стремления лучших людей всех времен и народов, чаяния и надежды живых и мыслящих существ, поскольку они выразились в произведениях поэзии и прозы, – таково содержание этого отдела. Беллетристика входит в этот отдел, подбор беллетристики должен быть особенно обширен и богат, по тому одному, что беллетристика доступнее толпе, и читатель пользуется, прежде всего, ею. Выразители общественных течений, художники, критики и публицисты должны занимать в этом отделе такое же место, какое они занимали в истории общественных течений. При такой постановке отдел беллетристики является отражением истории человеческих стремлений, как научный отдел есть отражение того, что было и что есть. Критики и публицисты, толкователи и руководители беллетристов и поэтов, должны сопровождать этих последних и в библиотеке, как они сопровождали их в истории; на каждое мало-мальски выдающееся произведение должна иметься в библиотеке и критика его.

Научный отдел библиотеки дает схему знаний. Сам читатель определяет и решает, каких знаний ему недостает, какие интересны, какие нет. Библиотека *указывает* книги, какие могут читателя удовлетворить. Читающих по *системе* мало; гораздо большее число читателей нуждается в приведении уже имеющихся знаний в систему и пополнении пробелов, замеченных в них. Этой потребности и должен помогать первый научный отдел библиотеки. Второй отдел дает, если можно так выразиться, схему общественных течений. Сам читатель определяет и решает, какие из них находят отклик и отголосок в его душе. Чуждая всяких тенденций, библиотека указывает ему не одно какое-либо течение, а все, по принципу *audiat et altera pars*³. Сердце, мало-мальски отзывчивое, голова, мало-мальски размышляющая, сами решат, на чьей стороне правда, на чьей ложь. Библиотека должна лишь *предоставить возможность* судить и выбирать.

Наконец, третий отдел хорошей библиотеки должен быть посвящен текущей жизни, должен заинтересовать читателя ходом вещей, возбуждать живое участие в нем, отправляясь с того места, на котором кто стоит. В этот отдел входят лучшие периодические издания, журналы, газеты и т. п., все заслуживающие мало-мальского внимания новинки печати, отклики на животрепещущие темы. Этот третий отдел должен служить данному месту и данному времени. Сюда должны быть отнесены и местные отделы провинциальных библиотек. «Местная провинциальная библиотека, – справедливо пишет г. Яковлев (библиотекарь в Одесской публичной библиотеке), – не имеет права игнорировать свой край и все те вопросы, которые выдвигает его жизнь. Она должна зорко следить за ними и употреблять все зависящие силы для своевременного удовлетворения тем местным интересам, которые выдвигает общественная жизнь».

Таков, по нашему мнению, должен быть *основной* подбор книг в библиотеке. Пусть вышеуказанные отделы не соответствуют распределению книг в каталогах, где система эта, может быть, и неудобна, но *значение* библиотеки определяется именно ими. Все три отдела должны быть, так сказать, закруглены, чтобы библиотека приносила должную пользу и имела успех. В библиотеке могут быть очень хорошие капитальные книги, которых, к сожалению, только некому читать, и не быть популярных, которых если никто и не спрашивает, то лишь потому, что никто не знает, что они существуют на свете, но которые пустить в оборот, сделать известными – нравственная обязанность библиотеки. Между тем если бы заинтересовался читатель вторыми, то, несомненно, добрался бы понемногу и до первых... Такое несоответствие, крайняя неполнота состава, случайность его – основной недостаток огромного большинства библиотек. За систему в подборе книг не гонится никто. Книги покупаются те, на которые есть

³ Пусть будет выслушана и другая сторона (*лат.*).

спрос, которые удастся дешево купить, которые попали в библиотеку как-нибудь случайно, которые получены, наконец, в виде пожертвования. У русского человека, как мы видели, в руках и без того мало хороших книг, так что хорошие жертвования не слишком часты. Наконец, жертвованиями обыкновенно управляет не совсем общественный принцип: на тебе, боже, что нам не гоже... <...>.

Как отличить хорошую книгу от худой, доступную от недоступной? КATALOGИ большинства публичных библиотек не только ничего не говорят читателю, не помогают ему в выборе книг, но как будто бы и созданы для запугивания этого читателя. Вы находите в них книги специальные и научные, капитальные, которые найдут, положим, 5 человек читателей в год каждая; вы почти не находите или находите мало книг научно-популярных, которые для русской читающей публики особенно-то и нужны и сделать подбор которых, пользуясь литературой 60-х годов, все же еще возможно; наконец, книг первой категории (по нашей терминологии) вы не находите почти нигде, кроме Харьковской общественной (III разряд), Саратовской и частной библиотеки О. Кайдановой в Тифлисе и некоторых других. Библиотеки, претендуя на роль просветительных учреждений, требуют от подписчиков или подготовки, или умения прыгать прямо на третью ступень, минуя первые две. И это происходит совсем не оттого, чтобы не хватало денег на обзаведение «ядром», – на него денег нужно не слишком много, особенно разложив требуемую сумму на несколько лет, – деньги же тратятся, главным образом, на новизну, о которой судят по объявлениям. Происходят недостатки библиотечных каталогов в значительной степени и от непонимания своих задач гг. заведующими библиотеками, будь то отдельное лицо или комитет, состоящий из нескольких членов. Не понимая педагогически-просветительного значения этих учреждений, гг. библиотекари сплошь и рядом относятся совершенно пассивно к тому, чтобы помогать читателю в выборе книг. Редко кто принимает какие-либо меры для округления библиотечного ядра, редко кто руководствуется при покупке книг библиографией наших лучших журналов, которая в данном случае могла бы сослужить хорошую службу. Таким образом, образовательно-просветительный характер библиотеки теряется. Она оказывается не тем, чем должна бы быть. <...>

Приспособление библиотеки к низшим вкусам публики – для библиотеки смерть, а не жизнь. Но чтобы служить жизни, самому нужно кое-что знать и понимать, относиться жизненно к содержанию книг, а не только к заглавиям их. Нужно для этого быть мыслящим читателем, а не библиографом из породы книжных червяков. <...>

Картина современного положения библиотек, нарисованная нами, довольно печальна. Но могло бы быть и иначе, если бы библиотеки, и общественные, и частные, больше были бы проникнуты чувством солидарности и сознанием, что они служат одному и тому же божеству, если бы между ними было больше связи и взаимной поддержки, если бы библиотеки столичные делились своими дешевыми покупками с библиотеками провинциальными, помогали бы им, как могли, в покупке книг, устроили бы обмен дубликатами, если бы они сознательно продвигали хорошую книгу читателю, указывали на нее в печатных бланках, стенных таблицах и пр., как это делается на Западе, и т. д. и т. д. <...>

А о систематическом подборе книг, о котором мы говорили выше, к сожалению, почти никто не заботится. Погоня за новизной – вот вся система и весь план. В подборе библиотечных книг повторяется то же явление, какое мы видели в издательском деле: одни книги, приобретаемые в библиотеки, висят, так сказать на воздухе, выше голов читающей толпы, другие – представляют результат слепого подлаживания к ее вкусам. Требовать от читателя, чтобы он читал то, что не вполне понятно или неинтересно, – это значит требовать от него невозможного. Между тем библиотекари слишком мало уделяют забот тому, чтобы сделать состав библиотеки *интересным и необходимым* для читающей массы. Но есть и другие причины, мешающие процветанию общественных и частных библиотек. Еще одна из них – это недостаток материальных средств. В огромном большинстве случаев общественные библиотеки, да очень

нередко и частные, при современной постановке дела сами себя не окупают, а приносят дефицит. Факты, изложенные нами выше, достаточно объясняют, почему это происходит. <...>

Итак, мы видели, что не только состав библиотек оставляет желать много лучшего, но и к имеющейся наличности книжного богатства доступ сопряжен с некоторыми лишениями и затруднениями – платой и залогом. Словом сказать, и та узенькая дверка, которая ведет к книжным сокровищам человечества, наполовину приотворена. Проследив шаг за шагом все районы книжного оскудения, постоянно все суживая и суживая круг наших исследований, мы наконец сделали полдороги. Нашу бедность книгами мы проследили с разных сторон. От времени до времени еще раздаются голоса, что в русском обществе – книг изобилие, книг избыток, книг перепроизводство, что их больше чем нужно, что оскудел читатель, а не книги... Насколько оскудел читатель, это мы увидим ниже. <...>

Да и школа не насаждает любви к чтению; до сего времени она снабжала лишь циркулярами, приглашавшими «читать с осторожностью», и снабжала до тех пор, пока не понадобятся другие, еще недавно изданные циркуляры, предлагающие *учить читать*, приохотивать к чтению... <...>

Словом сказать, картина книжного оскудения раскрывается во всей красе. Дальше, кажется, идти некуда. Остается посмотреть, кто входит через эту приотворенную дверь и кто и как пользуется наличными книгами.

Взглянем теперь на этого самого русского читателя, посмотрим, кто он, к каким слоям общества главным образом принадлежит, сколько он читает, что он читает, наконец, как читает.

IV. Состав нашей читающей публики

<...> Программ для собирания сведений о культурных читателях пока не существует, хотя с помощью таких программ, несомненно, можно бы было накопить богатейший и интереснейший материал. <...>

Наблюдать и изучать русского читателя надо в самих очагах чтения, если не в семейном кругу, который мало доступен для изучения, то в читальнях, в библиотеках, существующих для него.

Дадим себе отчет, что такое подписчик библиотеки. Это такой читатель, который признает чтение своей потребностью, и к тому же потребностью более или менее постоянной, не случайной. Записываются в библиотеку для того, чтобы читать одну книгу за другой, изо дня в день, а то из месяца в месяц и даже из года в год. У подписчиков библиотеки читательские инстинкты, если можно так выразиться, развиты несомненно в большей степени, чем у тех людей, которые довольствуются книгами, добытыми случайно, от знакомых, или 2–3 периодическими изданиями. Библиотечный читатель требует большего для удовлетворения своей потребности. Поэтому, сделав объектом исследования именно этого читателя, мы можем составить некоторое представление и о всех прочих. Всякую библиотеку, где бы она ни находилась, в глухой провинции или в шумной столице, кто бы ею ни заведовал – частное лицо, казна, город, земство и т. д., – можно уподобить маленькой наблюдательной станции, через которую проходят и в которой, при желании, могут быть в достаточной степени изучены не только сотни, но и тысячи людей, представители самых разнообразных слоев населения, разных возрастов общественных положений и степеней образования. Эта толпа читающей публики, столь же пестрая, с теми же достоинствами и недостатками, как и общество, которое порождает ее, течет через библиотеку, как живой поток: одни входят, другие выходят из числа подписчиков, каждый предъявляет свои требования и свои желания, каждый выражает о прочитанных книгах свои впечатления, указывает, какие книги пришлись ему по душе, какие нет. Если библиотекарь желает не только угождать вкусам публики, если он вдумывается в то, что проходит перед

его глазами, а в руках его еще имеется хорошо разработанный механизм библиотечной статистики, то именно библиотекарь лучше, чем кто-либо другой, может ответить на вопрос, кто и что читает. Если бы гг. заведующие библиотеками посерьезнее отнеслись к своим задачам, то, несомненно, каждый мог бы внести свою долю полезного труда в общую и необходимую работу – изучения русского читателя, изучения умственной жизни русского общества в разных его слоях, в разных – и светлых, и темных его уголках. Во всяком случае, нет места более удобного для изучения русского читателя, как библиотеки и читальни. Понимая, что эти библиотеки и читальни существуют для него и живут им (особенно библиотеки частные), читатель чувствует себя в них полным господином. Его требования, его запросы к книге, а отчасти и его мнения о книгах, даже его капризы – перед библиотекарем все налицо. <...>

Интегрируя же наблюдения, является возможность получить целый ряд образов, настолько точных и обоснованных фактически, что, разумеется, уж они будут стоять тверже и стоять больше, чем всякие рассуждения о читателе *a priori*. Несколько лет тому назад проф. Лесгафт написал небольшую, но интересную книжку «Школьные типы». В этой книжке, пользуясь данными психологии, с одной стороны, и школьными наблюдениями – с другой, он нарисовал, так сказать, психологические образы учащихся. Подобное этому можно было бы сделать, тоже пользуясь данными научной психологии, и по отношению к типам *читателей* разных общественных групп; получилась бы книжка не менее интересная и не менее, если не более, поучительная и ценная, как материал для характеристики данного исторического момента. Но это дело будущего. В настоящее время достаточного материала для такой работы еще не собрано. Нужно ли доказывать, что гг. заведующие не только общественными, но и частными библиотеками должны были бы отнестись насколько только возможно серьезнее и строже к собиранию материалов, к составлению отчетов своих библиотек и не смотреть на это дело, как на простое подведение прихода и расхода. <...>

Чрезвычайно ничтожное число читателей постоянных, огромный процент читателей переменных – то входящих, то выходящих из числа подписчиков, то бросающихся на книги одного рода, то переходящих на другие, прямо противоположные, – сегодня на Понсон дю Террайля, завтра на Некрасова – таков в общих чертах неустойчивый характер этой текущей через библиотеки толпы. Цифры, которые мы сейчас приведем, показывают не число лиц, пользующихся библиотеками в течение всего года, они показывают число лиц вписавшихся, затем некоторое время почитавших – один, два или несколько месяцев – и снова вышедших из сферы влияния библиотеки. Между этой последней и публикой еще незаметно тесной и неразрывной связи, и ничтожные сами по себе цифры кажутся еще ничтожнее, если вдуматься в их смысл.

Общий факт, наблюдаемый во всех библиотеках, тот, что подписчиков мало, до смешного мало. Другими словами, мало таких людей, которые чувствуют потребность в постоянном общении с книгой. Для огромного большинства читателей книга не есть нечто необходимое, она может существовать и не существовать, ее можно прочесть, но можно и не читать. При случае можно и подписаться в библиотеку, для развлечения, а можно обойтись и без нее. Оскудение книжное предполагает само собою оскудение читательское. Постоянный читатель, предъявляющий к книге известные запросы, в Российской империи не что иное, как явление единичное, но не массовое. <...>

Спрашивается теперь, какие слои населения, какие сословия поставляют главный контингент читателей? Читателей поставляют все слои населения, все профессии. Разумеется, было бы особенно интересно знать не абсолютное число подписчиков из такого-то сословия или звания, а процентное отношение этого числа к числу лиц нечитателей. К сожалению, прямых данных для решения такого вопроса не имеется, хотя некоторые косвенные соображения представляют нашу читательскую скудость во всей ее красе. Даже среди лиц таких профессий, как учителя и учительницы, доктора, священники, далеко не все чувствуют настолько сильную потребность в книге, чтобы идти и записываться в библиотеку и получать оттуда материалы

для чтения не спорадически, а постоянно. Кто довольствуется каким-либо дешевеньким журналом с премиями, кто берет книги из учительской, часто скудной библиотеки и держит их подолгу, иной раз по целому году, закрывая доступ к этим книгам и другим, кто живет и обходится и совсем без книг. <...>

V. Много ли читают на Руси?

Посмотрим теперь, много ли читают те постоянные читатели, которых из своей среды ежегодно посылают в библиотеки командующие классы. Для ответа на этот вопрос будем опять-таки пользоваться данными из библиотек больших и хорошо обставленных. Русский культурный человек не знает ни той быстроты чтения, ни того количества прочитанных книг, какие на Западе стали давно уже явлением обычным. <...>

Что захудалость русского читателя объясняется не только причинами, лежащими в нем самом, а и причинами внешними, можно видеть из сопоставления статистических данных за несколько лет. Из этих сопоставлений мы увидим, что читатель растет в количественном и качественном отношениях, когда повышается общий тон жизни, сокращается, когда в общественной жизни замечается застой. Библиотечные отчеты богаты фактами, иллюстрирующими такой вывод. <...>

Все вышеизложенное приводит к выводу, что если русский читатель и виноват в том, что он читатель немногочисленный и не ретивый, то в этом виноваты в значительной мере и те условия, в которых ему приходится существовать. <...>

В течение месяца прочитали всего по одной книге шесть человек из ста, по две – столько же, по три – пять человек и т. д. ... менее пяти книг в месяц берет из библиотеки ровно треть подписчиков. <...>

Весьма многочисленны случаи, когда в книжке журнала добрая половина статей остается неразрезанной в течение года и даже более при четырехстах подписчиках. Отметим еще факт, что тяжеловесные классические произведения некоторых европейских мыслителей возвращаются подписчиками в библиотеку очень быстро, через 6–7 дней. Это тоже не говорит за то, что взятые книги читаются... Вряд ли мы ошибемся, сказав, что из общего числа взятых из библиотеки книг прочитывается от одной трети их до половины... Приняв это в соображение и сделав соответствующие поправки в вышеприведенных цифрах, нельзя не сделать и того печального вывода, что русский культурный человек не принадлежит к числу усердных читателей, а малое усердие его за последние годы, как кажется, становится еще меньше...

VI. Что читает наша публика?

Посмотрим теперь, какого сорта книги более всего притягивают его внимание. Основной вывод, подтверждаемый всеми фактами и наблюдениями, тот, что русский читатель совершенно не умеет выбирать книг для чтения. Уровень читательского развития прежде всего отражается на умении выбирать книги, выбирать сознательно, целесообразно, с экономией времени и сил. Для этого нужно известное умение, известный практический навык, которого огромное, подавляющее большинство русских читателей лишены. Библиотечная публика обыкновенно спрашивает почитать «что-нибудь» – будь то журнал, роман или научная книга. Если нет одного, берется другое; даже недовольство на отсутствие требуемой книги чаще всего носит характер каприза, а не запроса, не получившего удовлетворения. Имена знаменитейших светил науки и искусства, передовых бойцов человечества за свободу мысли и совести сплошь и рядом совершенно неизвестны читающей толпе. Произведения их, красующиеся в каталоге, ничего не говорят ни уму, ни сердцу; глаза читателя скользят по ним, как и по сотням других.

Спрос на книги того или иного отдела в значительной степени среди такого рода публики – явление стихийное. <...>

Читателю научных книг в России неоткуда и взяться. Тип западноевропейского читателя развивается на почве широкого простора и всевозможной поддержки, оказываемой высшему образованию и правительством, и обществом. Так, даже лица из народа, обучавшиеся в школе только грамоте, имеют возможность продолжать свое образование и, подымаясь со ступеньки на ступеньку, приобретают знания по самым разнообразным отраслям науки.

<...> Чем большей подготовки от читателя требует данная книга, естественно, тем меньше читателей она себе находит, на этом основании специальные сочинения в очень малом ходу в общественных библиотеках. С другой стороны, на спрос такой-то книги влияет, так сказать, отношение этой книги к запросам, которые предъявляет читатель к родимой действительности; не без такого влияния в течение последних десяти лет уменьшился, например, спрос на книги по общественным наукам, который возрос лишь после 1891–1892 гг. Но есть и такие книги, которые, напротив, отрывают, так сказать, читателя от земли в данный исторический момент, становятся особенно по вкусу читателям того темперамента, который наиболее приспособляется к господствующим течениям жизни. Этим, быть может, объясняются кое-какие успехи, сделанные за последние годы в некоторых кругах русского общества метафизической философией, пришедшейся столько по вкусу некоторым его элементам и давшей философское оправдание далеко не философскому бытию. Словом сказать, между книгами, с одной стороны, и читателями – с другой, происходит своего рода естественный подбор; каждый отдел каталога притягивает к себе одних читателей, отталкивает других, и обратно, каждый читатель притягивает к себе одни книги, отталкивает другие: это притяжение и отталкивание у одних субъектов проявляется очень резко и определенно, у других почти незаметно, скрывается где-то в глубине...

В конце концов борьба читательских вкусов за удовлетворение, нередко неуловимая и трудно поддающаяся анализу, все-таки оказывает свое влияние на выбор книг, выражающийся в цифрах. <...>

Что касается до научно-популярных книг по естествознанию, то спрос на них вообще невелик, как потому, что мало существует таких книг, так и потому, что в курсе средних и низших учебных заведений эти науки заняли одно из последних мест, а то и исключены из курса. Не счастливится также и наукам общественным и правоведению. Последнее фигурирует больше в качестве справочных книг, а первые до последнего времени понемногу отступали все более и более на задний план. <...>

VII. Любимые авторы русской читающей публики

<...> Рассмотрение отчетов общественных библиотек показывает нам, что главные потребители научного отдела книг – учащие и учащиеся. Где больше этих читателей, там в большем ходу и научные книги. <...> Так как наибольший процент научных книг, взятых из библиотеки, приходится на учащуюся молодежь, то естественный вывод отсюда, что библиотеки должны несколько специализироваться, чтобы научные отделы могли служить, прежде всего, тем читателям, которым они нужны, библиотеки должны оказывать учащимся какое только возможно содействие и по отношению к выбору книг и по отношению к облегчению пользования ими, а для этого должно уменьшать плату, заменять залог поручительством известных библиотеке лиц и т. п. <...>

Для учащихся общественная или частная библиотека должна завести особый разряд подписки, установив минимальную плату для него. Она должна сконцентрировать вокруг себя и учащихся; она должна привлечь последних к *активному* участию в лучшей постановке внеклассного чтения учащихся. При общественных библиотеках должны возникнуть педагоги-

ческие кружки из учителей и учительниц, которые, несомненно, внесут оживление в самое библиотечное дело. Это дело – несомненно дело живое. Библиотека может и должна стать учреждением педагогическим и играть общественно-просветительную роль. <...>

Некоторые иностранные авторы читаются гораздо больше, чем известные русские писатели. Русский человек, знающий литературу, будет удивлен такого рода сюрпризами. <...>

Скажем теперь несколько слов о типах читателей беллетристических произведений. Читатель этот пестрый, гораздо пестрее читателя научных книг: беллетристика притягивает к себе всевозможных представителей человечества, всех рангов и положений. Читатели довольно резко группируются одни около беллетристики переводной, другие около беллетристики оригинальной. <...>

Библиотека должна *показывать* читателю хорошие или лучшие книги всех категорий, напоминать о существовании их, а пусть выбирает и пусть идет вперед сам читатель... Наконец, прогрессивное самовоспитание читателя – факт, хорошо известный каждому заведующему библиотекой... На читателя такого рода книг библиотеки должны обратить особенное внимание. Ведь эти-то читатели, если можно так выразиться, и стоят на границе книжного влияния, которое только что начинает захватывать их в свой водоворот. <...>

Гораздо многочисленнее те читатели, которым все равно, что ни читать, только бы чтение было интересно, которые не ищут идей в книге, не проникают в нее глубже фабулы, которые спрашивают у библиотекаря «что-нибудь» и берут «что-нибудь». Эти читатели, если можно так выразиться, пасутся на обширной ниве родной и заграничной беллетристики как бог на душу положит, то сбиваются в кучу вокруг одного какого-либо автора, то идут вразброд, бродят туда и сюда, пожирая без разбора всякую травку, какая попадет в зубы. <...>

VIII. Читатель из народа и его изучение

<...> Все это давно было замечено и отмечено, и об этом совершенно излишне здесь говорить. Грамотность вызывает стремление к книге; спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности. Как результат этого спроса (и, в свою очередь, отчасти как причина его) является масса дешевых изданий на книжном рынке.

Знаниями, заключающимися в этих изданиях, плохо ли, хорошо ли, но многие тысячи деревенских грамотеев пополняют, или, вернее, *могли бы* пополнять те сведения, какие вынесены ими из школы.

На рынке имеются книги очень разнообразного содержания, как по беллетристике, так и по разным наукам. <...> За последнее же время народная литература, разумеется, не без влияния самого народа, получила даже особенное развитие. Книжек появилось много – и беллетристических и научных; многие книжки, в появлении на свет которых принимала участие интеллигенция, очень не дурны, иные превосходны. Но, присматриваясь ко всей массе этих «интеллигентных» книжек, нельзя не заметить некоторого весьма своеобразного отношения их творцов к своему делу.

Прежде всего, по отношению к книжкам беллетристического содержания до сих пор упорно держится и отражается на деле специально русский взгляд, о котором мы сказали выше, именно, что для народа должна существовать особая литература, упрощенная, потому что эстетические и всякие другие тонкости народу недоступны. При этом, разумеется, забывают, что, как показал кружок Х.Д. Алчевской, произведения лучших наших авторов понимаются и находят прекрасный прием в деревне; что те же сочинения не всем бывают понятны и в среде так называемых «чистых господ»; что привычка читать всякие книги приобретает крайне быстро, если только экономические и всякие другие обстоятельства откроют доступ к книге.

Грустно становится, когда приходится опровергать это коренное заблуждение, столь распространенное даже среди несомненно доброжелательных для народа людей. Очень реши-

тельно и определенно высказывается по этому поводу в своем обстоятельном ответе на «Опыт программы»⁴ один читатель из народа: «В литературе для общества попадают часто скучные и даже глупые, ей-богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мещанину. Ну что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Не бросите ли вы ее, не дочитавши? Так и нам: попадется скучная книга – прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, предназначенных для общества. Нет, народу нужны *не народные книги, а дешевые*, потому что он бедняк, а не дурак». <...>

Другое, не менее важное заблуждение относительно народной литературы заключается в том, что литература эта смешивается нередко с литературой детской, одни и те же книги помещаются в общую рубрику книг «для детского и народного чтения». Никто бы против этого не возражал, если бы здесь речь шла о таких книгах для взрослых, которые прочтутся с пользой и удовольствием и детьми; нет, приверженцы этого взгляда как бы приравнивают ум мужика к уму ребенка, совершенно забывая разницу между сложившимся мировоззрением мужика и неокрепшими суждениями ребенка, и пичкают на этом основании деревенского читателя азбучными истинами, облеченными в детские формы.

Быть может, из этого взгляда вытекает третья особенность «особой» литературы для народа; утверждают, что народ наш любит поучения и назидания и так верит им, что до него, до этого наивного, детски простодушного мужика, одного рода поучения допускать можно и должно, а от других следует его ограждать китайской стеной, как будто он без книжек сам ни до чего не додумается. Этот взгляд даже лежит в основе издательской деятельности нескольких довольно крупных фирм, сводящих всю свою работу к какому-то натиранию очков. В этом отношении особенно грешат книжки по русской истории. <...>

Возьмем теперь книжки научного содержания. Присматриваясь к ним, вы тоже замечаете своеобразные особенности в популяризации знания. Несомненно, учение об особой *научной* литературе для народа, т. е. для людей, получивших лишь начальное образование или не получивших никакого, имеет за себя очень много данных. Польза, которую получает какой-либо читатель от той или иной популярной книжки, обусловлена запасом фактического, систематизированного материала, имеющегося в его голове; запас этот в голове мужика необходимо носит отпечаток односторонности, однообразия и, кроме того, относительно беднее, чем запас этот в голове «культурного» читателя.

Вести популяризацию во всем блеске стройной научной теории поэтому самому здесь не всегда возможно – нужно справиться с особенностями мировоззрения читателя. Если изучение этого последнего далеко не бесполезно для беллетриста, так для популяризатора оно положительно необходимо. Просматривая существующую популярно-научную литературу, подчас просто поражаешься, как неумело авторы принимают за свое дело, как мало знают они и тех людей, кому говорят, и условия жизни, в какие поставлены эти люди. <...>

На мировоззрение читателя кладет глубокий отпечаток сама жизнь, те условия, в которых этому читателю приходится стоять, условия экономические, социальные и пр. Со всеми ими необходимо более или менее считаться, вступая в борьбу с мнениями и заблуждениями, которые укоренились в течение веков. <...>

Изучение читателей из народа имеет не только огромный теоретический интерес, в смысле изучения народного мировоззрения, – оно имеет, кроме того, интерес практический. Авторы должны прислушиваться и дорожить указаниями своих читателей. В одном из своих талантливых «Очерков русской жизни» Шелгунов очень метко заметил, что известный труд «Что читать народу?» заключает в себе вопрос: «...как писать для народа, как с ним говорить, как создать живую и нравственную связь с ним, как установить непосредственные отношения».

⁴ Рубакин Н. А. Опыт программы для исследования литературы для народа. Спб., 1889.

«Что читать народу?» – добавим мы, вместе с тем содержит и ответ на этот вопрос; если ответ не полон, – во всяком случае, капитальный труд кружка Х.Д. Алчевской содержит много указаний словами самого народа, как писать книжки.

Если тот, кто берется за труд составления книжек для народа, не знает тех, с кем он желает беседовать, – пусть он хоть дорожит указаниями, замечаниями, мнениями этих последних и учится по ним. Эти мнения *безусловно необходимы* составителям научных книжек; эти мнения *полезны* и авторам беллетристических произведений, для создания которых первое условие – талант. <...>

Авторы должны знать своих читателей. Это отнюдь не значит, что они должны подлаживаться под тон народа – наоборот: потому-то некоторые и подлаживаются, что не знают своих читателей, которым это подлаживание претит и внушает недоверие.

Создание популярно-научной литературы, обнимающей всевозможные отрасли знания, в значительной степени еще дело будущего. Но оно должно стать делом русской интеллигенции. Прямо или косвенно – все желающие могут принять в этом деле участие. <...>

Авторам книжек научно-популярных оно покажет, как нужно популяризировать знания в мало подготовленной массе. Нечего говорить, что сама жизнь подскажет и самые темы, за популяризацию которых должен приняться тот писатель, который своим трудом желает помочь жизни. <...>

IX. Типы читателей из народа

Библиотечная статистика дает так мало материалов для характеристики читателей из народа, что для ознакомления с ними мы позволяем себе употребить совершенно иной прием. Мы не будем изучать их en masse, а постараемся изучать лишь некоторых из них, постараемся познакомить с различными представителями «читающей публики из народа», именно теми, которые, по нашему мнению, заслуживают особенного внимания в том или ином отношении. Читатели из народа так мало известны, что такое знакомство, думается нам, представляет значительный интерес.

Каковы читатели из народа? Ответы на этот вопрос крайне сбивчивы и неопределенны. Одним читатель из народа рисуется в виде гоголевского Петрушки, другим – в образе гончаровского слуги, третьим – в образе седовласого, угрюмого начетчика, зараженного расколом, и т. д. Таков ли этот читатель на самом деле? Тщательное изучение и сравнение читателя из привилегированных классов и читателя из народа прежде всего показывает, что первый не так уж хорош, а второй не так уж плох.

Все читатели, к какому бы классу общества они ни принадлежали, на какой бы ступени развития ни стояли, интересны по-своему. Между читателями «культурными» и читателями «из народа», как мы видели, есть разница, но и немало черточек сходства. Петрушки и гончаровские слуги встречаются и среди «чистых господ». Нам лично приходилось быть свидетелем, как «чистая публика» выбирает книжку по объему, по формату, по количеству «черточек» (тех самых, которые ставятся в начале красной строки, в разговорах: «черточки» эти – термин); иные спрашивают романы непременно такие, чтобы «порок не торжествовал». Одна девица действительно излагала даже целый рецепт романа, какой ей требуется, и чтобы он непременно кончался свадьбой. Это факт. Другие предъявляют рецепты иного рода. <...>

Читатели везде бывают всякие. Одни схватывают только содержание, фабулу данного литературного произведения, другие уже вникают в отношения действующих лиц, третьи усваивают идею, четвертые способны к критическому отношению к этой идее и т. д. Присматриваясь к так называемым читателям из народа, деревенским, фабричным, в сущности, вы находите те же самые градации. <...>

Оставляя пока в стороне читателей мало подготовленных, мы познакомимся теперь с читателями другого рода, которых можно бы назвать *современными начетчиками*, которые, нужно сознаться, имеют не много общего с начетчиками минувшего. <...> Те читатели, с которыми мы сейчас познакомим, почти всем своим богатством знаний обязаны книге. <...> Все они любознательны. Книга их привлекает; они ловят всякую печатную строку, начиная с клочка газеты и кончая какой-нибудь «Гисторией о падении Трои», изданием 1754 г., купленным случайно на базаре. Все попадающиеся под руку книги поглощаются без всякого разбора; все они оставляют в способной голове какие-либо следы, отрывки, намеки, которые своеобразно перерабатываются, дополняются. Мало-помалу читатель становится книжным человеком; мировоззрение его расширяется; он чувствует свое преимущество в этом отношении над другими сверстниками, односельчанами; уважение, какое крестьяне питают к книге, помогает обаянию книжного человека. Его влияние на окружающих устанавливается само собою и само собою уже возрастает: читатель становится умственным центром, из которого исходит влияние на других. Любовь к чтению, так сказать, индуцируется; эта индукция происходит, незная, в разных уголках России, даже самых глухих. Так нарастает интеллигенция из народа, которая, несомненно, способна понимать интеллигентных представителей из других общественных слоев.

Весьма интересно, хоть издали, хоть одним глазком, взглянуть на этот процесс образования и нарастания читателя. Изучение этого процесса покажет, какое значение может иметь в умственном развитии народа работа интеллигенции в области народного образования вообще и над книгой для народа в частности; ниже будет идти речь об избранных; работа интеллигенции над расширением внешкольного образования и над созданием общедоступной книги, несущей в народ науку, знание и понимание различных областей мира, жизни и мысли, должна открыть дорогу для всех. <...>

Большинство хочет читать ту книгу, которая со временем может дать пользу в жизни, где есть много доказательств, которые встречаются и при наших глазах: «Раз если ты ее прочитаешь, то будешь иметь в опасном деле предосторожность. Но есть и такие желатели чтения, чтобы только посмеяться. Для того едва ли подействует и полезная цель». <...>

Х. Интеллигенция из народа

<...> Не только то интересно и важно, что предъявляются запросы *на* книжку, запросы на чтение вообще, но то, что предъявляются известные требования *к* книжке. Все более и более понимается ее значение. <...>

Это тоже читатели из народа, тоже люди, обязанные многим книге, которая заменила им или значительно дополнила школу. Вместе с тем это люди, не ушедшие из своей среды. Они живут в деревне, занимаются земледелием, исполняют все то, что и другие их односельчане, но вместе с тем они сознательно пользуются таким орудием, как грамотность и знания, заключающиеся в книге; одни из них занимаются литературным трудом, другие действуют, устраивая библиотеки, становясь учителями в школах, ими самими основываемых, делаясь добровольными лекторами и т. д. <...>

XI. Читатели из фабричных рабочих

Оставим теперь деревню и перейдем на фабрику. При всем различии условий жизни деревенских и фабричных, мы и на фабрике видим то же самое явление, что и в деревне. Мы видим тот же процесс, логический и необходимый, *самонарастания* читателя, процесс, крайне медленный и трудный, встречающий на пути столько различных затруднений, совладать с которыми могут далеко не все, по крайней мере, в настоящее время, когда работа по созданию средств к образованию внешкольному только что начата интеллигенцией. Мы и здесь

видим, как грамотность неизбежным образом плодит стремление к книге; одна книга зовет к другой; чтение образует своего рода начетчиков, которые становятся маленькими центрами просвещения, каждый в своей среде. Из *читателей*, в известных случаях, вырабатываются и *писатели*, которые несут с собой и в себе все достоинства и недостатки такой системы, или, вернее, способа образования. Правда, не одной только книге они бывают обязаны этим образованием, но нельзя отрицать и той важной роли, которую играет в их судьбе книга. Образование заменяется начитанностью. Любознательный человек приобретает привычку читать очень быстро. В конце концов граница между «читателем из народа» и читателем из «чистой публики» ступшевывается сама собою и нередко от нее не остается и следа. Тип вполне интеллигентного человека из фабричных рабочих, особенно в последние годы, определился довольно ярко, к тому же такой тип, для которого «особая литература» не только не нужна, но и вредна.

Фабричные читатели – далеко не одно и то же, что деревенские, потому что и условия жизни, и амплитуда ее на фабрике – совершенно иные. Условия жизни так значительно отражаются на том, что и как читает народ, что последний вопрос нельзя изучать, не касаясь и не изучая первых. Напряжение в фабричной жизни равномернее распределено в году, чем в деревенской; первая требует больше подвижности, она менее консервативна; она несравненно более пропитана духом городской «цивилизации», со всеми ее сторонами – темными и светлыми. На фабрике время года отзывается на чтении книг гораздо меньше: деревня в страдную пору не читает; фабричные и летом, после окончания работ, после «звонка», берутся нередко за книжки. Мужу во время работ не до чтения; фабричного нередко можно увидеть с книжкой и у машины. Это чтение под стук и грохот машин заключает в себе нечто трогательное.

Много различий вы замечаете и в выборе книг для чтения. Религиозные книги на фабрике не в таком ходу, как в деревне; пост не так резко отражается на чтении. Читателям фабричным более любы книги светские. Весьма возможно, что это различие в выборе книг можно рассматривать как продукт различия в условиях жизни и в близости к природе. Мужик, если так можно выразиться, стоит ближе к сырой, необработанной, менее зависимой от него природе, в которой величие и бесконечность виднее, и внушаемое ими религиозное чувство сильнее. Фабричный далек от этой природы, в его руках – покоренные, регламентированные, так сказать, силы природы; в машинах виднее могущество человеческого ума, мощь гения, изобретательности; фабричный сам господин машины, и сознание *этого* господства заставляет нередко забывать, что эта самая машина подчиняет его владельцу машин. Не в этом ли различии отношений к природе и лежит объяснение малой распространенности среди фабричных духовно-нравственных книг? <...>

Во всяком случае, взгляд на фабричного читателя давно уже пора коренным образом изменить. Читатель этот вырос и продолжает расти с каждым днем.

Сообщения, имеющиеся в наших руках, позволяют сделать этот общий вывод и могут служить некоторыми иллюстрациями чтения на фабриках. Вряд ли можно сомневаться в том, что стремление к свету и знанию среди фабричных сильнее, чем среди крестьян. <...>

Заключение

<...> Образование народа и его развитие, подъем его теоретической и творческой мысли, его сознательного отношения к окружающей действительности – одна из величайших задач нашего времени. <...> Великое дело требует многих работников, которых если и немало, то нужно еще во много раз больше, которые если и энергичны, то нужны еще более энергичные. Факты, собранные в нашей книжке, надеемся, обрисовывают с достаточной наглядностью нашу читающую публику, как из классов привилегированных, так и из народа. <...> Предыдущие страницы достаточно иллюстрировали эти общие положения, облекли их в фактический материал, позволяющий взглянуть на неприглядную действительность, какова она есть. Из них

видно, до какой степени необходима дружная, сознательная, целесообразная работа, направленная на борьбу с книжным оскудением в разнообразнейших слоях общества и народа. Быстрое обращение книг – одно из самых необходимейших условий быстрого обращения идей. <...>

<...> вместо того чтобы жаловаться на идейное оскудение, принялись бы прежде всего бороться с ним. Кипение жизни, чувства, мысли – заразительны. Жизнь вызывает жизнь. Живые элементы находят отклик в элементах, еще не потерявших способность к жизни. А таких на Руси не тысячи, а миллионы. <...>

Необходима дружная работа для распространения и развития библиотек, для пополнения их лучшими книгами; необходимо доводить и доводить до сведения читателя, к какому бы классу он ни принадлежал, что существуют на свете хорошие книги, что многие из них способны раскрыть перед читателем целый мир неведомых еще явлений, совершенно новых и свежих и могучих идей, стремлений, настроений, чувств. Необходимо облегчить возможно широкий доступ к этим книгам, которые нередко теперь гниют по книжным складам или покоятся на пыльных полках малодоступных библиотек. <...>

Одна из отраслей дела или, вернее, одна из задач интеллигенции – это создание такой научно-популярной литературы, которая дополняла бы знания, полученные в начальной школе и открывала бы к этим знаниям доступ для тех, кто не удовлетворяется тем количеством знаний, какое дает школа. К этой-то стороне или, вернее, этой отрасли дела, к созиданию научно-популярной литературы мы и желали бы привлечь работников; в ее созидании может и должен принять участие не только круг писателей – в нем могут и должны принять участие все те, кто по своему положению имеет возможность наблюдать и изучать народ как читателя, кто видит его отношения к книге, требования, предъявляемые к ней, кто слышит его отзывы о той или иной книге, о полезности или бесполезности ее, понятности или непонятности, о степени интереса, возбуждаемого ею, и т. д. Пусть до писателей доходят отзывы народа; пусть писатели по этим отзывам учатся писать. <...> Те, кого называли современными *начетчиками*, т. е. людьми, обязанными очень многим книге, к которой они привязаны всей душой: эти люди благодаря книгам, всевозможным книгам, успели накопить в себе известный запас умственной, нет, не только умственной, а, если можно так выразиться, образовательной силы, а эта сила, раз она есть у одного человека, – сама собой, не случайно, а необходимо, передается другому, третьему, десятому, сотням, тысячам; знаменатель этой геометрической прогрессии обусловлен талантливостью и энергией личности. Эта индукция образования книжного напоминает индукцию электрическую. Можно было бы еще сравнить такого *начитанного* читателя с бродильным грибом, который и в закрытом, глухом сосуде производит брожение... <...>

<...>...в заключение: не свидетельствует ли все, что мы изложили выше, во всей видимой разбросанности и отрывочности данных, что все это, все эти данные – *жизнь*, сама жизнь? <...> И что они говорят! Они говорят о жизни. Самая их отрывочность жизненна. Систем в жизни не встречается... Все это говорит о жизни; десятки известных говорят о сотнях неизвестных, десятки замеченных – о тысячах незамеченных, которых мы хотя и не знаем, но которые есть. <...>

Среди книг

Посвящаю этот труд памяти моей матери Лидии Терентьевны Рубакиной, двадцать лет работавшей среди книг и научившей меня любить книгу и верить в ее непреодолимую и светлую мощь.

// Рубакин Н. А. Избранное: В 2-х т. – М.: Книга, 1975. – Т. 1. – С. 107–210.

Предисловие к первому изданию⁵

«...» Книга – одно из самых могущественнейших орудий просвещения школьного и внешкольного и вместе с тем одно из могущественнейших орудий борьбы за истину и справедливость.

Работники просвещения, стоящие около книг и трудящиеся над их распространением, относятся ли они к своей работе сознательно или полусознательно, не могут не делать и, разумеется, делают великое и необходимое дело: они служат *всенародному* развитию и *общественному* просвещению и, являясь их слугами, естественно принимают активное участие в той борьбе культурных, политических, экономических, умственных, нравственных и религиозных, научных и философских течений, которая кипит всюду вокруг.

Но одно дело принимать участие в кипучей исторической борьбе полусознательно и совсем другое дело вступить в нее, так сказать, во всеоружии книжных знаний, с определенным научно-философским и общественным мирозерцанием, с определенным пониманием, зачем и куда идти и чего добиваться, и какими средствами. Каждый работник книжного дела, если только он не желает быть простой машинкой для выдачи и развозки книг, должен стремиться прежде всего к тому, чтобы относиться к своему близкому, дорогому делу сознательно, стремясь вникнуть в самые основы его и осмыслить свое отношение к работе отношением этой последней к общему мирозерцанию. Поэтому *первая и основная задача* всех тех, кто стоит около книг, заключается в выработке определенного общего мирозерцания. *Вторая их задача*, имеющая своим фундаментом первую, заключается в том, чтобы познакомиться с наличностью книжных богатств, существующих на русском языке и созданных многовековой работой науки и литературы, оригинальной и переводной. Разобраться в этой наличности, выбрать из нее все мало-мальски ценное и достойное внимания, с точки зрения общего мирозерцания – такова *третья задача*, стоящая перед лицом всех работников книжного дела. Но это еще не все. Необходимо не только познакомиться с наличностью наиболее ценных книг, но и расклассифицировать их по определенной схеме, чтобы таким способом определить те пробелы, которые существуют в русской литературе по отношению к тем или иным отраслям знания, философии и искусства. Только познакомившись с тем, что есть на книжном рынке, можно с точностью определить, чего, собственно, ему недостает и в какую сторону должна быть направлена деятельность всех работников, которые трудятся над созданием и изданием книг для русской читающей публики. Такова *четвертая задача*, стоящая перед лицом этих работников. Но и ею еще не заканчивается их работа: они должны, кроме того, познакомиться с *содержанием* книг, которые проходят через их руки. Но ведь познакомиться посредством чтения с десятками тысяч книг и с их содержанием – это дело в высшей степени трудное, если не невозможное. Для этого требуется время, и даже очень много времени, которого у работников обыкновенно недостает и, кроме того, требуются научные и литературные знания, которые

⁵ Первое издание «Среди книг» вышло в 1905 г., второе издание, в котором Н. А. Рубакин повторил это предисловие, – в 1911 г. – *Сост.*

тоже не всегда имеются налицо. Мало чем помогают этому знакомству и рецензии, в которых далеко не всегда излагается содержание книги. Кроме того, на многие книги, вышедшие 10–15 лет тому назад, нет никакой возможности найти рецензий. И тем не менее знакомство с содержанием книг все-таки необходимо для всех работников книжного дела, библиотекарей, книгопродавцев и т. д. Значит, необходимо изобрести какие-либо новые способы для того, чтобы они имели возможность знакомиться и знакомить других с тем, что дают книги, проходящие через их руки. Способы эти должны быть указаны, и работники, стоящие около книг, должны быть так или иначе ознакомлены с тем, что дает и может дать тому или иному читателю та или иная книга. Они должны держать в своих руках *книжные знания*, или, точнее говоря, книжные источники этих знаний. Они должны знать и понимать, в какой книге найдется тот или иной читатель определенный и обстоятельный ответ на те вопросы души, которые его мучают в данное время. Заглавие книги говорит еще слишком мало. Работники, стоящие около книг, должны быть настолько хорошо знакомы с книжным содержанием, чтобы иметь возможность, в крайнем случае, указывать не только книги, но и главы, и даже страницы таких книг, где читатели найдут материал для решения интересующих их вопросов. Иметь возможность и уметь делать такого рода указания – это и значит держать в своих руках книгу как орудие борьбы за истину и справедливость. Такова *пятая задача*, которую должны разрешить работники, стоящие около книг и сознательно относящиеся к своему делу. Но и это еще не все. Приведя в известность наличный состав и содержание книжных богатств, существующих на русском языке, необходимо оценить их с точки зрения относительной трудности их понимания, их относительной популярности и доступности. И эта оценка всей наличности избранных книг необходимо должна быть сделана, так как без нее вряд ли возможна плодотворная и планомерная работа над распространением книг в самых широких кругах читающей публики с их самой разнообразной подготовкой. В этом и заключается *шестая задача*, которая тоже должна быть разрешена. Только при удовлетворительном решении всех этих задач каждый работник книжного дела действительно будет исполнять ту общественную, в высшей степени важную функцию, которую он, в сущности, и должен исполнять: распространять книги, а значит, и знание, понимание и настроение среди читателей, среди *народа*, понимая это слово в широком смысле. Библиотекарь, книгопродавец, издатель – все это *книжные двигатели*. Все они должны быть настолько знакомы и осведомлены в том, что может дать книга, чтобы на каждый запрос, предъявленный со стороны любого читателя, – «где я могу прочесть по такому-то, в данный момент интересующему меня вопросу?» – иметь возможность дать точный и определенный ответ: «на этот ваш запрос вы, человек, имеющий такую-то подготовку, можете найти желательный вам ответ в такой-то книге». Давать такие указания по всевозможным запросам, от кого бы они ни исходили и к какой бы отрасли науки и литературы ни относились, – это и значит сознательно работать над распространением лучших книг, это и значит, основываясь на требованиях *жизни*, служить, путем распространения лучших книг, и «вечной истине» и «зlobe дня». Разумеется, весьма возможно, что многие запросы, идущие со стороны читателей, вовсе не могут быть удовлетворены посредством указаний на существующие книги: ведь эти последние иной раз могут быть распроданы, иных же вовсе нет и даже никогда не было на русском языке. Но коли этих необходимых книг еще не существует, то, повинувшись тем же требованиям жизни, необходимо искать путей для их *создания*.

Таким образом, перед работниками книжного дела раскрывается еще одна весьма важная задача: пополнение книжного рынка недостающими и необходимыми книгами.

Вряд ли нужно доказывать, какое громадное значение имеет разрешение всех этих задач на практике. Разрешить их на практике – это значит вооружить всех работников, стоящих около книг, это значит одухотворить их работу теми научно-философскими и общественными идеями, которые являются достоянием нашего времени. Как известно, на книжном рынке существует теперь несколько книг и брошюр, посвященных технической стороне книжного

(библиотечного и книгопродавческого) дела. К сожалению, до сих пор нет ни одной книги, которая была бы посвящена идейной стороне его. Но эта-то последняя и нуждается в особенно тщательной разработке. Книга, выпускаемая нами в свет, и представляет скромную попытку такой разработки. <...>

Но одно дело – наметить теоретические основания библиотечной организации, а другое дело – осуществить их на практике. Вскоре <...> мы сделали попытку составления примерного каталога общеобразовательной библиотеки по вышеизложенному плану и приступили к большой библиографической работе. <...>

В основу нашей книги положен следующий план. Он разделяется на такие отделы:

Первый отдел – теоретический. Здесь идет речь о классификации наук и о классификации книг по наукам в связи с вопросом об общем образовании, его целях и задачах. Мы стараемся выяснить здесь основные принципы комплектования библиотек, подбора книг для них и распределения книг по степеням относительной трудности их понимания.

Второй отдел – библиографический – представляет из себя примерный каталог большой общеобразовательной библиотеки, удовлетворяющий тем требованиям, которые сформулированы нами в первом отделе. В этот каталог введены нами не только книги, существующие в продаже, но и распроданные. <...>

Третий отдел – приложения. Здесь мы даем, во-первых, краткий список пособий для библиотекарей, который поможет им еще более ориентироваться в деталях книжного и библиотечного дела. Далее, мы даем несколько примерных каталогов небольших библиотечек на разные суммы, причем при комплектовании этих библиотечек мы старались осуществить на практике те же основные принципы, которые изложены нами в первом отделе. <...>

Четвертый отдел нашей книги представляет собою опыт библиографического указателя *содержания* тех семи тысяч книг, названия которых указаны во втором отделе нашего труда. Этот указатель мы выпускаем отдельным изданием, причем стараемся возможно полнее использовать тот материал, который содержится в книгах, помещенных нами в наш каталог. При составлении этого указателя мы выдвигали на первый план не столько *фактическую*, сколько *философскую* сторону каждой науки, а в отделе искусства, и особенно в отделе беллетристики, старались наметить этико-философские и общественные вопросы, которые не могут быть чужды мыслящему человеку, серьезно трудящемуся над выработкой своего мирозерцания и сознательно относящемуся к окружающей жизни. <...>

Мы выбрали такую классификацию, которая нам показалась наиболее целесообразной с нашей точки зрения, по отношению к главной нашей цели, – помочь по мере сил возможно широкому распространению лучших книг в возможно широких кругах населения и внедрить в сознание всех русских читателей, что ныне существующая наличность книг на русском языке уже представляет из себя такую лестницу, по которой может и должен идти вперед и вверх всякий желающий, кто бы он ни был, – крестьянин или фабричный, студент или литератор, – и каким бы вопросом он ни интересовался, лишь бы старался вникнуть в самую его глубину. Все науки, все вопросы, в сущности говоря, представляют *не ряд, а круг*, и с какой точки окружности ни начни двигаться по этому кругу – лишь бы была охота да вдумчивость, «пытливость ума» – все равно будешь переходить от книги к книге и от науки к науке, пока не впитаешь в себя цельного, закругленного, законченного и чуждого догматизму научного мирозерцания, осмысленного критическим отношением к окружающей действительности и одухотворенного гуманным общественным настроением, которое требует от каждого человека не только идей, *но и дел*. <...> Настало время, когда все русские библиотеки и все другие очаги книжного дела обязаны принять активное участие в духовном воспитании возможно широких кругов читающей публики, особенно тех ее слоев, которые стремятся к книге из глубины трудящихся масс. Библиотеки должны теперь же запастись необходимыми книгами, и издатели должны помочь дальнейшему созиданию той лестницы, о которой выше шла речь. Библиотеки должны воз-

можно шире открыть свои двери читателям и, если нужно, то коренным образом изменить свой состав. Если наша работа хоть немного поможет в этом отношении, значит, она не пропала даром.

Книга – сила. Книга – страшная сила. Но в огромном большинстве случаев сила эта находится в скрытом потенциальном состоянии. Сильная своею связью с жизнью и выдвигаемая ее жгучими запросами, идея завоевывает жизнь все-таки очень медленно. Во всяком случае, она проникает далеко не так быстро, как это было бы желательно, в виде назревших и назревающих потребностей жизни. Мы глубоко убеждены, на основании нашего личного опыта и на основании данных, собранных многочисленными исследованиями, что круговращение книг может быть *сознательно ускоряемо*. Задача всех работников книжного дела – помогать этому книжному круговращению, кто где может, кто как может и кто на каком месте стоит.

Предисловие к первому тому второго издания

«...» Успех первого издания наглядно показывает, до какой степени русский книжный рынок нуждается в общих библиографических указателях и обзорах книжных богатств, имеющих к услугам русского читателя. Всякий работник книжного дела, всякий учащийся, всякий работающий над своим самообразованием должен эти богатства знать возможно шире, возможно глубже и полнее, для того чтобы искать и находить по любому вопросу такую именно книгу, которая дает достаточно полный и ясный ответ на этот вопрос и более или менее подходит для данного читателя. Но таких общих обзоров до сих пор нет, и составление их представляет чрезвычайные трудности. Чтобы составить такой обзор, необходимо прежде всего иметь под руками огромные количества книг, затем еще большее количество всякого рода оценок, критик, рецензий, описаний этих книг; далее, необходимо изучить и все эти книги и их оценки и, наконец, все это сопоставить с русской читающей публикой – ее нуждами, потребностями, привычками, вкусами. «...»

Принимаясь за подготовку второго издания, составитель решил сделать, быть может, чересчур для него смелую попытку и дать нечто большее – более существенное, важное и необходимое, а именно – не только *каталог* книг, но и *сравнительный обзор* их по особой системе, положив в основу этого обзора не только классификацию явлений и областей жизни, но и *историю научно-философских и литературно-общественных идей*. «...» ...принцип, положенный в его основу: «Будем прежде всего смотреть на то, что могло бы соединить людей, а не на то, что разъединяет их».

Таким образом, второе издание этой книги представляет собой *опыт обзора лучших русских книг в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей* – опыт, далеко не совершенный во многих отношениях, но, во всяком случае, первый такой опыт, и не только в России.

«...» ...познакомиться с общей наличностью тех книг, которые представляют наибольший интерес в целях общего образования и выработки *общего* мирозерцания, составляющего главный и основной фундамент всяких наук и искусств, верований, стремлений; всяких специальных и профессиональных знаний, технических приемов, навыков. Мы желали бы помочь знакомству читателей не только с заголовками и названиями книг, но и их внутренним содержанием и даже характером, *независимо от заголовка*, так, чтобы каждый работник книжного дела и каждый читатель имел возможность найти библиографический ответ на любой вопрос, относящийся к области общего образования, лежащей, в виде общей схемы, в основе нашего труда, – по крайней мере на главнейшие из этих вопросов. «...»

Две области библиографических знаний положены в основу этого труда: во-первых – изучение книг, во-вторых – изучение читателей. Обе эти стороны мы никогда не отделяем одну от другой, как это было и в первом издании, с той только разницей, что в основе второго издания

лежит неизмеримо больше материала, чем в основе первого издания. Непосредственное знакомство составителя с делом самообразования, постоянное общение с читателями, индуктивное изучение их типов по экспериментальному методу, выработанному самим автором, – все это позволило внести во второе издание нечто такое, чего не было в первом. <...> ... наиболее существенные перемены, введенные нами во второе издание.

1. Это последнее состоит из двух больших томов. Первый том, ныне выходящий в свет, заключает в себе две части: первая часть – теоретическая, вторая – библиографическая.

2. В первой, теоретической, части мы делаем попытку изложить основные принципы книжного дела, выяснить его основные, жизненные задачи, в смысле сближения книги и жизни. При этом, согласно указаниям работников, мы значительно упрощаем наше изложение. Принимая за основу нашего труда схему общего образования, мы кладем в основу этого плана классификацию явлений окружающей нас жизни – интимной, социальной, космической. Мы говорим о классификации явлений и о классификации наук, в общем плане обзора русских книжных богатств в связи с планом общего образования, о распределении книг по этому плану, по его отделам, о внутренней организации каждого отдела, о выборе книг для них, о распределении книг по кругам читателей, по их психическим и социологическим типам, по их читательской подготовке. Формулируя основные задачи книжного дела, мы стараемся осмыслить, таким образом, его практическую сторону, дать работникам книжного дела руководящую нить в их работе, в стремлениях многих из них поставить это дело на рациональную почву.

3. Вторая библиографическая часть нашего труда (II часть первого тома и второй том) разделяется, в свою очередь, на два главных отдела. В первый входят отделы изящных искусств (в том числе беллетристика), затем публицистика и этика, в связи с их историей, историей литературы, литературно-общественных течений и критики. Во второй отдел этой части (и во второй том этого труда) входят общественные и естественные науки, математика, логика, гносеология и философия, детский, справочный и библиографический отделы и приложения (алфавитные указатели – именной и предметный).

4. Каждый отдел второй, библиографической части (I и II тома) состоит из двух частей: 1) описательной и классифицирующей и 2) собственно библиографической, перечисляющей названия книг. Описательная часть носит название «предварительных замечаний» и содержит сравнительные обзоры книг в связи с историей теорий и вообще научно-философских и литературно-общественных течений. Читатель найдет в «предварительных замечаниях»: а) общую характеристику каждого отдела, заимствуемую нами из произведений, по возможности, наиболее выдающихся авторов, знатоков данной отрасли жизни и знания; б) более или менее подробное *сравнительное описание* общих руководств и обзоров каждой отрасли знания; в) хронологическое распределение авторов (по эпохам или десятилетиям), а во многих случаях и по странам, с указаниями годов рождения и смерти авторов; г) распределение авторов по главнейшим основным течениям мысли и школам; а иногда, где представлялось возможным (напр., в отделах истории литературы, публицистики, этики и т. д.), по некоторым основным вопросам, изучаемым данной отраслью знания; наконец, е) по кругам читателей (по библиотекам трех основных типов). В «предварительных же замечаниях» мы знакомим читателя, также по большей части посредством цитат из подлинников, с главнейшими теориями наиболее выдающихся авторов и отмечаем наиболее существенные пробелы в русской литературе, указывая при этом те произведения (на французском, немецком, английском, а отчасти и на других языках), которые, по нашему мнению, могли бы пополнить эти теоретически намеченные пробелы.

5. Библиографическая часть каждого отдела разделяется у нас на параграфы, один или несколько в каждом отделе. К каждому параграфу отнесены книги, трактующие, хотя, быть может, и с разных сторон, об одном и том же вопросе, иногда очень частном. Мы не боялись сильно детализировать распределение книг по параграфам, в уверенности, что это не может не способствовать читателям возможно легко находить библиографические указания по любому,

их интересующему вопросу. О каком именно вопросе идет речь в книгах, отнесенных к тому или иному параграфу, об этом мы прежде всего указываем в «предварительных замечаниях». Подбирая библиографический материал для каждого отдела, мы всегда старались отделять общие обзоры и руководства от монографий, книги описательные, фактические, систематизирующие и классифицирующие – от теоретических и философских. Каждый отдел мы старались заканчивать философией его. Особенно важное значение мы всегда придавали книгам о методах исследования и изучения (книгам для практических занятий). Иногда мы выделяли книги, имеющие особенно важное историческое значение (напр., в отделе этики, истории, биологии и т. д.). Таким образом, посредством такого распределения книг по параграфам, явилась возможность, по нашему мнению, достигнуть довольно детальной классификации книг по их характеру, независимо от заголовков, а это распределение дает возможность читателю, если не всегда, то в огромном большинстве случаев судить о любой книге по месту, занимаемому ею в общей системе. Зная номер интересующей его книги, читатель даже по оглавлению нашего труда может уже определить это. В библиографической же части мы старались распределить книги и по степеням относительной трудности изложения и понимания их. Эти степени обозначены при каждом номере книги римскими цифрами. Книги, отмеченные римской цифрой I, доступны для читателей, получивших образование ниже среднего и начальное. Книги, отмеченные римской цифрой III, – книги специальные, требующие от читателей значительной подготовки. Книги, не отмеченные никакой цифрой (потому что таких большинство), – книги популярные, доступные читателям со средним образованием. Книги, отмеченные цифрой II, доступны для начинающих читателей этой последней категории. <...>

Ввиду мозаичности нашей работы да не посетует на нас читатель, встречая в ней ту или иную погрешность, пропуск или опечатку, помня, что со стороны составителя было сделано все возможное, чтобы число таких погрешностей было возможно меньше. За указание таковых мы во всяком случае будем весьма признательны.

Переходя теперь к техническим особенностям нашего труда, мы прежде всего должны отметить, что в *его основу положено непосредственное знакомство с книгами*, просмотр и изучение книг, т. е. *работа по сырым материалам*, непосредственно *по книгам*, по возможности, независимо от разных каталогов, рекомендательных указателей, рецензий и т. п. чисто библиографических источников. Только работая таким способом, мы имели возможность распределить книги *по содержанию*, независимо от заголовков и названий. Но, не полагаясь на оценку книг только одного лица, мы постоянно старались все-таки проверять себя посредством возможно широкого знакомства с рецензиями и указателями. Всего нами просмотрено не менее 15 000 рецензий во всех наиболее выдающихся периодических изданиях и все указатели, список которых мы даем в приложении ко II тому. Сравнительное знакомство с рецензиями, нередко крайне противоречивыми, и сопоставление их между собою и с книгами тем более заставило нас положить в основу нашего труда непосредственное изучение самих книг. При составлении «предварительных замечаний» приходилось работать также по большей части по сырым материалам. Особенного труда в этом отношении стоил отдел русской публицистики, история которой, как известно, до сих пор не написана. Чтобы набросать общую схему этой ее истории, пришлось не только перерывать старые журналы, но и знакомиться с произведениями разных публицистов непосредственно, а в некоторых случаях обращаться за разъяснениями к самим авторам. Таким образом, для составления «предварительных замечаний» к этому отделу, пришлось произвести не только библиографическое, но и историко-литературное и историческое исследование, которое, при щекотливости темы и мозаичности работы, все-таки не вполне гарантирует от ошибок и промахов, неизбежно связанных с таким трудным вопросом, как определение литературно-общественной физиономии того или иного литературного борца, в особенности же принимая в расчет, увы! довольно часто встречающуюся среди них неустойчивость мнений и тем более настроений.

Следующим приемом работы, который мы считаем нужным отметить, было изучение книг с точки зрения психологических и социологических типов читателей. В основу такого изучения были положены нами не только новые обширные наблюдения над читающей публикой, полученные посредством новой анкеты, произведенной нами в 1908 г., но и новые методы исследования читательства, о которых мы говорим в другом нашем труде, <...> «Этюдах по психологии читательства»⁶, где мы делаем опыт поставить вопрос об оценке книг на психологическую и социологическую почву, стараясь найти возможно научный и точный ответ на основной вопрос книжного дела: «Какая книга, на какого читателя, при каких условиях и в какой момент как действует?». «Среди книг» и «Этюды по психологии читательства», по мысли автора, должны взаимно дополнять друг друга, составляя вместе с «Этюдами о русской читающей публике» единое целое, посвященное истории, теории и практике распространения знания, понимания и настроения. <...>

Книжное дело, потому что это вместе с тем и дело просвещения вообще, еще с незапамятных времен настолько тесно слито с судьбой вообще культуры, что ни свестись на нет, ни даже остановить своего развития на более или менее продолжительное время оно не может. <...>

Книжное дело даже слабых людей делает сильными. Книжное дело ждет и ждет неутомимых и убежденных работников. И такие, разумеется, найдутся и сделают историческое дело. Общее стремление к самообразованию, к накоплению знания, понимания, настроения тому порукой.

⁶ Отдельное издание не появилось, были лишь отрывки в журналах.

Введение. Книжные богатства, их изучение и распространение. Научно-библиологический очерк

Глава I. Сущность книжного дела и общий обзор его

§ 1. Основная задача книжного дела

Надо знать книгу. Надо понимать и ценить книгу. Надо любить ее и верить в нее. Надо выработать в себе умение и практическую сноровку работать при помощи книги – для себя и для других, – распространяя книгу в самых широких кругах населения, в самых глубоких слоях его, действуя ею даже на самых темных, даже на самых неспособных людей.

Такова задача, которая стоит, стояла и всегда будет стоять перед каждым работником книжного дела, какое бы участие в этом последнем он ни принимал, – перед книгопродавцем и библиотекарем, и перед всяким другим распространителем книг, перед издателем и автором, творцом их, перед каждым человеком, кто бы он ни был, если только он принимает хоть какое-либо участие в деле народного просвещения, если только он работал, работает или собирается работать над своим самообразованием или образованием. Нет и не может быть в настоящее время ни одного культурного и даже просто грамотного человека, не говоря уже – в Западной Европе, но даже у нас, в России, который бы осмелился сказать про себя: «Мне не нужно и никогда не было и не будет нужно никаких книг и никаких знаний о них». Нет, всякому из нас нужны эти самые знания – так нужны, что никто из современных нам людей *не может обойтись без знакомства с книгами*. Или откажись от современной культурной жизни, или знайся с книгами – такова дилемма. Если желаешь жить мало-мальски человеческой жизнью и желаешь расширять, углублять, возвышать ее и делать все напряженнее и напряженнее, – не говорим во имя общего, а даже своего собственного счастья, – знайся с книгами, с возможно большим числом их, приобретай знания о них, об общем составе книжных богатств, какими может и должно пользоваться современное человечество – в том числе и каждый из нас – я, такой-то, имярек, – я, где бы я ни жил и кем бы я ни был. Не только специалистам-библиографам, книгоделам и книголюбам надо знать книжные богатства человечества – их надо знать каждому из нас, знать в их целом, и лучшие книги в каждой такой отрасли, и распределение их по разным отраслям знания и мышления, и распределение по странам и эпохам, по течениям и направлениям научно-философской и литературно-общественной мысли, по авторам и издателям, знать влияние разных книг на разных читателей, – словом сказать, надо знать и совокупность книг, общую сокровищницу умственной жизни человечества, и отдельные книги, и значение их. <...> Иначе говоря, нужно понимать, что судьба книги неразрывно слита с общественной психологией и с историей духовной жизни, и нельзя понимать книжное дело и служить ему, не вникая в общественную психологию и вообще социальную жизнь своего места и времени. <...>

§ 2. Разрешение этой задачи – одно из насущных требований жизни

<...> Непрерывное нарастание книжных богатств и такое же нарастание их потребителей – читателей – нельзя не считать теперь несомненным проявлением определенного социологического закона, и если и бывают в иных странах иногда исключения, они всегда кратковременны и объясняются более или менее быстро проходящими причинами. <...>

§ 3. Жизнь заставляет работников книжного дела содействовать самообразованию масс

Самообразование – это характерное явление наших дней, это знамение нашего времени. Слово «самообразование» приходится теперь слышать в устах не только учащейся молодежи, но и фабрично-заводского рабочего, и деревенского крестьянина, и служащего разночинца, приходится слышать в устах и молодых, и пожилых людей, и мужчин, и женщин. Стремление к самообразованию сделалось своего рода стихийным потоком. Над собственным образованием работают в настоящее время сотни тысяч, если не миллионы людей, и все эти люди ищут книг, которые дали бы им те знания, то развитие, какого требует от них быстро усложняющаяся жизнь. <...>

Общественные библиотеки и книжные магазины волей-неволей должны делаться *общественными орудиями самообразования*. <...> ...удовлетворение *запросов самообразования* стало основной задачей общественных библиотек и книжных магазинов... <...>

Рядом с этим стремлением к самообразованию, несомненно, подвигается вперед, хотя и медленным темпом, до сих пор находящееся в казенных тисках образование. Учащиеся ныне считаются у нас миллионами, и знание книги тем более им необходимо, чем выше они успели подняться по школьной лестнице. Это последнее приходится расширять, углублять, дополнять, а то и переделывать тоже «своими средствами», и эта переделка «казенных знаний» тоже разлилась теперь широкою волною по «святой Руси». И для этого тоже требуются книжные знания. И из среды учащихся тоже раздается все больше и больше голосов, их ищущих, и жизнь вопиет и их голосами: «Книга – сила. Мы хотим получить эту силу в наше распоряжение».

Надо всем этим людям эту силу теперь же дать или, по крайней мере, давать, давать и давать самым энергичным образом. <...> Необходимо распространять и распространять не только книги, но и знание о книгах – и о методах их распространения, о их производстве, круговращении, распределении, о их чтении. Нужно дать знания и о тех способах, с помощью которых каждый человек действительно может отыскать по любому вопросу, интересующему его в данное время, такую книгу, которая «именно ему даст то, что нужно ему»...<...>

§ 4. Сокровенная сущность книжного дела

<...> *Теперь всякий может найти такую книгу*, которая действительно захватит его душу, возбудит его мысль и даст ему действительно ценное, обширное, научное, достоверное знание и понимание, поскольку это уже сделалось достоянием современной науки и литературы. «Есть, словно для вас лично приготовленная, такая книга – ищите! Найдите ее и прочтите – и сделаетесь от этого не только просвещеннее, но и сильнее».

Но как ее находить, эту книгу, эту самую нужную, самую подходящую для данного читателя, в данный момент, в данной обстановке его личной, а также общественной и исторической жизни? И где искать-то? И какими методами, приемами и способами? Вот вопросы, которые подлежат подробному и возможно точному обсуждению и исследованию, как теоретическому, так и практическому. *Найти научный ответ именно на этот вопрос, думается нам, – это и значит понять самую сущность книжного дела* – не только чтения, но и распространения и, наконец, производства книг. Даже при настоящем уровне библиографических знаний уже имеется значительная возможность найти ответы на вышепоставленные вопросы – ответы действительно научные, т. е. фактически и философски обоснованные, такие ответы, значение которых не может не сказаться *немедленно на всей практике книжного дела*.

§ 5. Задача нашего труда

В этом нашем труде мы ставим себе нижеследующие задачи:

Во-первых, помочь читателям и всем работникам книжного дела в их знакомстве с *общей наличием* русских книжных богатств.

Во-вторых, помочь их знакомству с *распределением* этих книжных богатств по разным отраслям знания.

В-третьих, помочь знакомству их с книжными богатствами в каждой отрасли знания в отдельности и освещающими каждую область жизни.

В-четвертых, познакомить, хотя бы в самых общих, основных чертах, с распределением этих богатств в пространстве и времени, т. е. по странам и по эпохам, по национальностям, их создававшим, и по историческим периодам, с которыми совпало это созидание.

В-пятых, помочь внутренней идейной оценке этих богатств с исторической точки зрения, с точки зрения истории научно-философских и литературно-общественных идей, находящихся в этих книжных богатствах свое отражение и выражение.

В-шестых, помочь знакомству, тоже хотя бы в самых общих чертах, с наиболее выдающимися произведениями и литературными именами в каждой отдельной области, с наиболее известными авторами, работающими в данной отрасли литературы и науки и, по возможности, с их теориями, по крайней мере главнейшими из них, излагая эти последние цитатами из их собственных произведений.

В-седьмых, познакомить с распределением книжных богатств по кругам читателей, по основным типам их.

Наконец, в-восьмых, познакомить с распределением русских книжных богатств по трудности изложения, т. е. по тому, какой подготовки требует та или иная книга от своего читателя.

Все эти задачи, по крайней мере, в своих общих, основных чертах, могут быть до некоторой степени разрешены как теоретически, так и практически, по мере наших сил и не на основании одних общих соображений, а на основании непосредственного знакомства с русскими книгами.

Мы намерены в нашем дальнейшем изложении следующим образом идти к разрешению вышенамеченных задач, на которые, естественно, распадается наша общая, основная задача, — иначе сказать, задача всего книжного дела.

§ 6. Основной критерий для оценки книжных богатств

«...». Какие же требования можно и должно предъявлять к этому мощному, вечно нарастающему книжному потоку в его целом? Что он должен давать человечеству, *должен* давать во всяком случае, если только книжные богатства не простая груда бумажного мусора, печатной макулатуры.

Всякая книга, какая бы она ни была, кто бы ее ни написал, ни напечатал «...» подлежит нижеследующей оценке: *оценке* с точки зрения мыслящей, чувствующей, страдающей человеческой личности. Всякая книга должна, раз она, так сказать, появилась в свет, дать ответ на такой вопрос: что ты, книга, можешь дать мне, личности человеческой, мне — такому, каков я есть, моему уму, моему чувству, моей жизни, борьбе, которую я веду, работе, которую я делаю или намерен делать, в тех условиях, в которые меня поставила судьба-фортуна или судьба-злодейка? Что ты, книга, даешь вообще личности человеческой, потому что каждый человек к тебе, книге, может и должен предъявлять именно такой вопрос, прежде чем даже взглянуть на тебя и подойти к тебе? Будь эта книга — устав какого-нибудь учреждения или свод законов, ученый трактат или сборник стихов, философское рассуждение или поэма, роман, выс-

шее произведение художественного творчества – все равно, вопросы, предъявленные выше к книге, это вопросы, которые относятся одинаково к *каждой* книге. Ты, книга, что, собственно, представляешь из себя и какому именно господину служишь? И какие именно перемены ты намерена или можешь внести в мою и вообще человеческую жизнь? Каковы же твои намерения, цели и средства? Мне, личности человеческой, далеко не все равно, какой ответ ты даешь на все эти вопросы. Я, личность, – судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даешь или можешь дать, и в рай или в ад крошечный ты стремишься превращать те условия, в которых я живу в настоящее время. От твоего, книга, ответа, который я сам же в тебе прочитаю, то на строках, а то и между строк, зависит всецело – я друг или враг твой. Отсюда следует: критерием всякой книги, пробным камнем ее всегда была, есть и будет личность человеческая.

§ 7. Первый принцип книжного дела: примат личности

«...» Мы живем в целом мире таких общих слов, которые нередко принимаются за критерий и при оценке книг: «книга, полезная для общества вообще», «для народа», «для правительства», «для человечества» и т. д.... Приступая к оценке книжных богатств человечества, прежде всего отбросим в сторону все эти фетиши и поставим во главу угла нашей библиологической системы как главный критерий для оценки *всех* книг и *всяких* книг – личность. «...» Книжные богатства тоже созданы людьми, существуют для людей, оцениваются людьми. И каждая отдельная книга, и все они, вместе взятые, все книжные богатства человечества, вся литература, в самом широком смысле этого слова. Исходя из этого, мы прежде всего должны понять и помнить, что как суббота существует для человека, а не наоборот, так и книга тоже существует для человека, а не наоборот. Любовь к книге ради книги не должна существовать. Можно любить книгу лишь поскольку любишь человека – отдельную человеческую личность и человечество, совокупность их. «...»

§ 8. Второй принцип книжного дела: примат жизни над книгой

Другой вывод из того же основного принципа книжного дела, т. е. из примата личности, состоит в следующем: *говоря об оценке книг, прежде всего нужно думать не о книге, а о жизни, ею отражаемой и выражаемой*. Нет и не было такой книги (да, пожалуй, и быть не может), которая отражала бы жизнь во всем ее целом, во всем ее бесконечном разнообразии и величии. Книга всегда односторонняя, жизнь, напротив, всегда и бесконечно разносторонняя. Книжное содержание всегда более или менее схематично, жизнь не укладывается ни в какие схемы, и эти последние всегда временны и преходящи. Жизнь – это сама реальность; книга, сравнительно с нею, всегда отвлеченна. Жизнь нераздельна, книга никогда не трактует о всех, а лишь о немногих сторонах жизни; ради удобства их рассмотрения и изучения книга не может не делить нераздельное целое на части. Это – прием ума, в сущности, идущий вразрез с нераздельностью жизни. Но не в том беда, что человечеством выработан такой прием, – разумеется, в силу необходимости, – а в том, что результат этого приема, логический вывод, начинает занимать в человеческом уме место нераздельной реальной жизни, и книжная отвлеченность оттесняет на второй план реальность, т. е. самую жизнь. «...» Мы со школьной скамьи приучаемся мыслить жизнь не в ее единстве, а в ее раздробленности. Мы учимся делить неделимое, подмечать прежде всего отдельные его стороны и, разделяя их в своем уме, забывать, что вне нашего ума они ведь неразделимы. Каждая наука, как известно, изучает жизнь лишь с какой-либо одной стороны – химия с химической, психология с психологической, история с исторической и т. д., и, изучая все эти науки в отдельности, мы мыслим все эти стороны не отдельными сторонами, а отдельными областями жизни: вот тут химическая, а где-то дальше психическая, а еще дальше – историческая, тогда как на самом деле, т. е. в жизни, все это огнюдь

не *отдельные* области, а одна-единственная область, т. е. та же жизнь, только изучаемая с разных сторон. Все они – нераздельные части целого, а его нужно делить только для того, чтобы лучше изучить. <...> За анализом нельзя забывать синтеза. Как известно, давным-давно вошло в обычай распределять все литературные произведения по разным отделам, напр., на искусства и на науки, а эти отделы делить снова и снова на подотделы и целый ряд других, еще более детальных и частных рубрик. <...> ...не следует забывать все той же жизни, нераздельной и разносторонней в ее вечности. В любом, даже самом простом, жизненном факте всегда сосредоточивается множество сторон – в его рассмотрении, понимании, изучении всегда участвует множество наук. Вот, напр., вы, читатель, человек определенного сословия и общественного положения, читая эту мою книгу, изданную в Российском государстве, по всем правилам российского свода законов, – представляете из себя по этому самому факту *юридический* и поэтому подлежите изучению и уже изучены в *этом* отношении, с этой стороны, *наукой права*. Вы – явление правовое. Вы, покупатель этой книги, человек такого-то общественного класса и экономического положения, пользующийся такими-то доходами: рентой, прибылью или заработной платой, или живущий в таких-то экономических тисках, уже по этому самому изучены и изучаетесь экономическими науками. Вы – явление экономическое, социальное. Вы, читатель, живущий в определенный исторический момент, представляете собой частичку русской истории, ее деятеля или ее жертву. Вы – во всяком случае, исторический факт. Вы – явление историческое, продукт исторической среды, исторического развития. Вы же и факт географический, потому что вы – человек определенной расы и племени и занимаете определенное место на земном шаре как *житель* данной страны. Вы же и факт психологический, потому что в это самое мгновение в вашей душе совершается бесконечно сложный ряд психических явлений, изучаемых психологией: поле вашего сознания – безграничная арена их. Тут и мысли, и чувства, и желания, и надежды, и мечты, и интересы, и аппетиты, и инстинкты, и потребности. Вы же как организм – и анатомический и физиологический факт. Вы же и факт химический и физический, потому что в нашем теле есть и химическая и физическая стороны, вы представляете собой очень сложный комплекс силы и материи, всевозможных физических явлений, до электричества включительно, вы – настоящий поток вечно превращающегося вещества. Вы же – и факт космический, иначе сказать, астрономический, потому что и силы и атомы, из которых вы составлены, – нераздельная часть планеты Земли, с нею несущиеся в пространстве. Другими словами, в вас, лично в вас, как бы сосредоточен целый ряд фактов, изучаемых одновременно множеством наук. Но вы-то сами – факт единый и нераздельный. Вы – воплощение и представление жизни в ее целом. Вас, как и всю жизнь, в ее целом, одновременно изучают все науки. Нет такой науки, которая не имела бы никакого касательства к вам. Но как бы все науки ни были раздельны, вы-то, как человеческая личность, все-таки нераздельны, да таковым всегда и останетесь. <...>

§ 9. Третий принцип книжного дела: книга-орудие

Далее не следует забывать, что книга не более как орудие, которое создает и которым действует в своих целях все тот же человек, человеческая личность, и поскольку различны цели, которые выдвигаются этой последней, постольку различно и разнообразно и применение этого орудия – книги. Она – орудие передачи знания, понимания, настроения от того, кто книгу пишет, тем, кто ее читает или будет читать; тонкое орудие психического воздействия творца книги на самую пеструю и разношерстную толпу – толпу разных времен и народов; орудие, способное переходить из страны в страну, из века в век; орудие особенно могущественное, потому что им можно воздействовать исключительно на психику человека и даже на психику общества, т. е. на то, что вообще очень трудно поддается воздействию. Но, как и всякое орудие, книгу едва ли можно назвать хорошей, полезной, благотворной самое по себе, независимо от

оценки тех рук, которые ею пользуются в данном случае как орудием. Давно уже сказано, что хорошая вещь топор, но им можно сделать с одинаковым успехом и самое хорошее, и самое скверное дело: и выстроить превосходный дом, и отличный корабль, и всякое другое деревянное сооружение, но им же можно и отрубить единым взмахом голову величайшему человеческому гению. Так к книге и относятся разные люди по-разному. В руках одних – она орудие расширения и углубления жизни и вообще ее переделки в сторону света и свободы; в руках других книга – орудие борьбы против тех же самых начал, орудие угашения духа и затемнения света, орудие гнета, насилия над человеческой личностью, орудие всякого унижения и топтания этой последней, вплоть до глумления над нею включительно. Известны тысячи тысяч примеров, что даже произведениями величайших светочей человечества насильники сплошь и рядом пользуются для своих самых гнусных целей. <...>

Поэтому говорить о том, что книга уже как таковая представляет собой нечто хорошее, не приходится. Самая суть вопроса о пользе или вреде книги не в ней самой, а в том, кто и как, и в каких целях действует ею как орудием. Ниже нам еще придется говорить о влиянии книги и об условиях, при которых это влияние бывает то благотворным, то вредным, в зависимости от той почвы, на которую падает содержание книги.<...>

§ 10. Четвертый принцип книжного дела: книга как орудие добра, справедливости и истины

<...> Давно сказано: «и если только останется на свете хоть один умный и честный человек и хоть одна умная, честная книга – даже этого будет достаточно, при некоторых социальных условиях, чтобы темный из темных и тихий из тихих уже понял свое положение и чтобы одна-единственная книга, говорящая правду, сильнее подействовала на него, чем сотня самых ложных и гнусных книг, принудительно распространяемых». *Условия самой жизни* заставляют людей вокруг нас отличать ложь от истины, нелепость и обман от правды. <...>

Если истина действительно страшная сила, так именно благодаря своему соответствию с фактами жизни и с интересами большинства, т. е. трудящихся классов. *Сравнительно с книгой, сеющей ложь, книга, сеющая истину*, действительно представляет собой страшную силу. Именно книга последнего типа и является такой книгой, которая необходима большинству человечества. Лишь благодаря сочувствию этого последнего книги, служащие истине, не сходят с читательского горизонта в течение веков и тысячелетий и получают громадное распространение. <...> Таким образом, книга, являющаяся в их борьбе за свое существование носительницей истины и справедливости, – это и есть книга, представляющая собой страшную силу и могущественнейшее орудие в этой борьбе. Это и должны понимать и помнить все работники книжного дела. *Только такие книги представляют собой страшную силу, которая служит истине и справедливости*, а все те, кто работает в противоположном направлении, обречены на бессилие, так как жизнь трудящихся классов, в конечном итоге, более или менее быстро опровергает их. Степень же этой быстроты зависит не от чего иного, как от сознательности читающей и мыслящей массы, от степени развития ее сознания. Поэтому работники книжного дела и все те, кто так или иначе причастен к книжным богатствам человечества, должны ясно и определенно относиться к книге как к могущественнейшему орудию борьбы за справедливость и истину. Они не могут не принимать в этой борьбе участия, не могут не служить, кто как может и где только может, той же справедливости и истине.

§ 11. Три великие силы, содержащиеся в книге: знание, понимание, настроение

«...» Для нас, живущих нервной и деятельной жизнью XX столетия, литература прежде всего представляется всемирной сокровищницей трех величайших сил – сил, необходимых для каждой человеческой личности для того, чтобы «ориентироваться и устроиться во Вселенной». Вот эти три великие силы: во-первых, знание, во-вторых, понимание, в-третьих, настроение. Не всякое печатное произведение содержит в своих недрах эти три силы. Но для широких кругов грамотного человечества именно их-то и приходится искать в книге, ради их-то проявления, накопления, развития и стремиться к книге. Правда, все эти три силы до некоторой степени неотделимы одна от другой и встречаются более или менее вместе. Но не во всякой книге они находятся в равных количествах, и иные книги прежде всего дают знание, другие будят мысль, третьи воздействуют на настроение – прежде всего и больше всего на него. На значении этих трех духовных сил необходимо несколько остановиться, чтобы термины, выбранные нами, не возбуждали в читателях недоразумений.

Что такое знание, понимание, настроение? Под первым мы понимаем знание, прежде всего, *научное*, соответствующее возможно строгим требованиям научной достоверности и точности, в связи с успехами науки в данный исторический момент, – знания фактов и законов их, т. е. обобщений этих фактов, обобщений, определенным образом формулированных, – знание настоящего в связи со знанием прошлого, из которого развилось ныне существующее, знание систематизированное, цельное, глубокое и широкое, дающее в своей совокупности возможно полную концепцию всего мироздания, знание, дающее возможно широкий научный кругозор, закругленное общее мирозерцание. Под вторым мы понимаем силу критической мысли, умение вникать в явления жизни, ничего не принимая на веру и добываясь прежде всего достоверной, проверенной истины. «...» Под третьим мы понимаем настроение этическое и гуманное – общественное, без которого немислимо правильное отношение к явлениям окружающей среды, никакая оценка этих отношений, никакое мало-мальски энергичное наступательное действие живой человеческой личности, направленное против тех сторон жизни, которые, с точки зрения этой оценки, не выдерживают критики и должны быть изменены. Чтобы быть борцом за лучшее будущее и работником во имя его, – а жить полной, настоящей жизнью, не будучи ни тем, ни другим, невозможно ни в наши, ни в какие другие времена, – необходимо реагировать на окружающее. Без этого реагирования никакое общее образование, никакое, даже самое глубокое и научное, мирозерцание ни к чему. Но чтобы реагировать на окружающее, необходимо иметь в своей душе не только знания и идеи; необходимо еще, чтобы они были там органически соединены – высокие идеи с чистыми знаниями. Факты и идеи должны не только светить, но и волновать. «...» Наше знание, понимание, настроение – это три нераздельных элемента живой человеческой личности. Работник книжного дела должен служить, посредством распространения книг, не только распространению *знаний*, но и критического отношения к окружающей действительности, умения вникать в нее, умения вникать в окружающее в любом месте и в любое время. Другими словами, он должен помогать человеку в деле развития его понимания. Но и этого еще мало – работник книжного дела должен давать людям, кроме того, некоторый комплекс эмоций, настроений, чувствований, без которых немислима не только духовная, но и всякая иная жизнь. Знание, понимание и настроение – три силы, кристаллизующиеся путем печати в книге и сохраняющиеся в потенциальном состоянии в библиотеке – совокупности книг. Большая и непростительная ошибка – понимать основные задачи книжного дела как распространение одних только знаний посредством распространения книг. Его задачи более широкие и более боевые. Поэтому всякий работник книжного дела должен прежде всего составить себе понятие о таком подборе книг, который давал бы *все три* выше-

перечисленных элемента духовного развития человеческой личности – то есть знание, понимание, настроение.

§ 12. Книги как орудие трех великих духовных сил

«...» Идеальная книга совмещает в себе все три силы – знание, понимание, настроение «...» При виде всякой книги невольно возникает вопрос – какой именно из трех духовных сил данная книга служит и в какой степени? В зависимости от этого, как мы увидим дальше, находится не только пользование книгой как оружием, но и практическое значение ее в данное время и в данном месте. Из всех этих сил наиболее практическое значение имеет, несомненно, настроение. В зависимости от его количества и его потенциальной энергии (напряжения) находится не только сила книжного влияния на данного читателя, но, в значительной степени, и сила усвоения книжного содержания читательским *большинством*, а значит, и степень исторического значения всякой книги. Работники книжного дела должны обращать особенное внимание на научные книги, написанные с настроением, и для каждой отрасли знания иметь подбор таких книг. По относительному напряжению трех духовных сил – знания, понимания и настроения – все печатные произведения могут быть распределены на три главных отдела.

Во-первых, литературу интимную, литературу *личных переживаний*, литературу разных и всевозможных индивидуальностей, типичной представительницей которой могут служить произведения изящной литературы, а также произведения некоторых других изящных искусств (в особенности музыки); во-вторых, литературу *социальной среды*, регистрирующую и оценивающую ее явления, – литературу той общественной атмосферы, в которой мы все рождаемся, растем и действуем, которою мы все дышим, в которой нередко задыхаемся; и, наконец, литературу *среды космической*, регистрирующую и оценивающую явления природы (органической и неорганической). В произведениях, относящихся к первому типу литературы, несомненно, преобладает настроение. Именно их она регистрирует и оценивает. В литературе третьего типа, напротив, преобладает знание, и идеал этой последней – объективное, беспристрастное знание, регистрирующее факты и оценивающее лишь достоверность их и правильность их сообщения, а также выводов из этих последних.

Литература социальная занимает промежуточное положение между этими последними: не лишенная настроения, она вместе с тем стремится к объективности. Что касается до понимания, то в лице исторической и экономической науки, а также статистики и некоторых других научных дисциплин, как уже было замечено выше, оно во все времена, всегда и всюду представляло собой не что иное, как «службу настроения», и если объективное изучение всего существующего является идеалом и понимания, то лишь в области литературы космической идеал этот достигается в удовлетворительной степени; в литературе же социальной и интимной до этого последнего очень далеко. Понимание – та связка, которая охватывает собой все три литературы и соединяет их в единое целое силою человеческого суждения, с точки зрения ума, потребностей, запросов и интересов человеческой личности.

Распределение всех книжных богатств по вышеперечисленным трем типам литературы имеет не только теоретическое, но и практическое значение. «...»

§ 13. Разные категории работников книжного дела и необходимый минимум их знакомства с книжными богатствами

«...» Даже самое понятие – «работник книжного дела» – понятие очень общее, и в него входят самые разнообразные категории не только профессионалов-работников – библиотекари, книгопродавцы, издатели и авторы, с одной стороны, а с другой – все распространители

книг, и среди них прежде всего учителя, учительницы, члены просветительных обществ и других просветительных учреждений, земские деятели и т. д., вообще работники самых разнообразных категорий. Можно ли предъявлять требования, изложенные в этой книге, в одинаковой степени к представителям всех этих пестрых категорий? Да и нужны ли столь детальные книжные и философские знания, о каких дальше будет идти речь, всем работникам книжного дела, напр., книгопродавцам, приказчикам книжных магазинов и т. п.? На этот вопрос, думается нам, не может быть иного ответа: «могий вместити, да вместит». Всякое знание, всякое сведение о книгах, находящееся в распоряжении человека, пользующегося так или иначе книгами, не может не пригодиться. Чем больше у него таких знаний, тем больше у него силы. Но, разумеется, не о максимуме знаний в данном случае нам приходится вести речь, а о необходимом минимуме их. Бесспорно, разные категории работников книжного дела для его целесообразного совершения требуют разной степени книжной подготовки. Некоторые работники могут делать свое дело недурно и с меньшей подготовкой, чем какая требуется от работников других категорий. <...> Несомненно большие сведения о книгах, в особенности же народных детских и популярных и даже научных, должен иметь каждый народный учитель, каждая учительница, и именно сведения, касающиеся книжного содержания, их внутреннего, идейного характера, сведения о месте, занимаемом данной книгой в истории литературно-общественных и научно-философских течений. Литература злободневная, текущая должна быть хорошо известна этой категории работников книжного дела, тоже и всем другим общественным деятелям, принимающим маломальское участие в общественной жизни, если они в нее хоть немножко вдумываются и не желают окончательно быть ее пешками. Всякий мыслящий человек должен вырабатывать в себе творца жизни, по крайней мере в той области, в которой ему приходится работать. Без знакомства с книжными богатствами человечества немыслима никакая творческая работа в более или менее крупных размерах. Для всех таких работников не должно быть и речи о каком-либо минимуме книжных знаний. И всем им мы говорим: не жалейте ни времени, ни труда, чтобы ими запастись. <...>

Издатели должны быть превосходными оценщиками *всякой* книги и уметь с наивозможной тонкостью определять значение, направление и вообще удельный (относительный) вес всего того, что они сами издают или что раньше издано другими. Книжные знания, которые мы старались сосредоточить в этом нашем труде, по нашему глубокому убеждению, представляют собой минимум того, что должен знать всякий издатель. Что касается до авторов, то не приходится даже говорить о том, чтобы этот минимум был достаточен и для них. Наш труд – это лишь введение в изучение минимума. Всякий автор в своей области должен быть знаком с книжными богатствами настолько детально, чтобы иметь возможность намечать интересные для него пробелы в них, которые он как автор и мог бы заполнить своими литературными работами. Это приложимо не только по отношению к литературе научной, но отчасти даже и к художественной, по крайней мере для избежания перепевов старых тем, не всегда искупаемых новизною и художественностью формы. <...>

Повторяем, нет такого знания о книгах, которого не мог бы применить, т. е. пустить в оборот, вдвинуть в читающую толпу *всякий* работник книжного дела, будь он простой, скромный приказчик, будь он издатель, автор, землец и т. д., а об учителях и учительницах и говорить нечего. Для всех работников книжного дела всегда должно существовать одно общее правило, и вот какое: всегда при всяком случае старайся запастись возможно большим количеством возможно разносторонних, широких и глубоких знаний о книжных богатствах вообще, и о разных книгах в частности; возможно больше ройся в книгах и возможно больше читай о книгах – сколько только можешь, как только можешь, к какой бы категории книжных работников ты ни относился, кем бы ты ни был среди них. <...>

§ 14. В минимум книжных знаний входит прежде всего знакомство с теми книгами, которые необходимы для общего образования. Что такое книжное ядро?

В общей сокровищнице книжных богатств, созданных исторической жизнью человечества, существует некоторый центр, некоторое ядро, около которого группируется, сосредотачивается все наиболее крупное, увесистое, ценное. <...> Это-то книжное ядро и должно быть подвергнуто возможно детальному изучению, систематическому и разностороннему. Все, что добыто знанием и мышлением, все завоевания человеческих стремлений, знания и воли и лучшие выражения этих проявлений человеческой души необходимо искать именно в этом литературном ядре. <...>

Книжные богатства в целом представляют собой литературное зеркало жизни, литературное выражение космоса, рассмотрение его с разных сторон, синтез которых ведет, в конечном итоге, к его общему пониманию. Знание, понимание, настроение жизни концентрируется ярче всего именно в этом ядре. Изучение Вселенной немыслимо без изучения, точнее говоря, без помощи изучения книжного ядра. Образование, самообразование, в конечном итоге, сводится к тому же. Знакомство с книжным ядром необходимо для каждого образованного человека вообще, и всех работников книжного дела в особенности. Этим и определяется необходимый им всем минимум книжных знаний. Да и для всякого человека, если этот последний желает сделаться мало-мальски образованным.

И правда, что значит быть образованным? Это значит, прежде всего, – знать и понимать возможно шире, глубже и разностороннее жизнь как в отдельных ее проявлениях, так и во всем целом, самого себя и все окружающее как в его прошлом, в его истории, так и в настоящем, а насколько возможно, и в будущем. Но знать и понимать жизнь для человека действительно образованного – этого еще недостаточно. Есть нечто особенно важное и необходимое для каждого из нас и для человечества в его целом. Это нечто – *творчество*, способность к работе созидания, к инициативе, к переделке окружающей жизни. Человек во время процесса своей жизни не может не вносить в нее кое-чего своего, не может не изменять, не дополнять ее, не переделывать, не творить, не разрушать. <...> Всякий, кто желает жить мало-мальски человеческой жизнью, кто стремится углублять, расширять, украшать ее, делать ее и возвышеннее и напряженнее, в отличие от жизни общественных болот и лесов, не может не мечтать, не может не стремиться к общему образованию, не может не желать сделать из себя нечто большее, нечто лучшее, чем то, что он теперь представляет собой. Общее образование – цель очень многих и многих людей в настоящее время. Во имя блага, как личного, так и общественного, всячески надо помогать тому, чтобы эта цель сделалась целью всех, – помогать всеми возможными способами распространению общего образования в самых широких кругах. Каждый работник книжного дела, каждый распространитель книг, каждый учащий и учащийся должен думать прежде всего об общем образовании – и своем собственном и других и, прежде чем сделаться специалистом в какой-либо одной области, должен хорошенько понять и усвоить самые основы общего образования, по той простой причине, что всякий человек рождается не специалистом, а человеком вообще.

Общее образование занимает поэтому центральное место в области образования вообще, а книги, служащие общему образованию, занимают центральное место среди образовательных книг вообще. Отсюда следует, что всякий работник книжного дела, всякий стремящийся к образованию (своими или школьными средствами), всякий распространитель книг и борец за истину и справедливость, действующий книгой как орудием, прежде всего должен хорошенько изучить именно круг общеобразовательных книг. Это и есть, если можно так выра-

зиться, минимум минимума, нечто такое, что необходимо наиболее широкому кругу грамотного человечества.

Помогать общему образованию возможно большего числа людей – такова главная задача. Эта задача не может не соединять всех работающих над этим великим делом в одну дружную и многочисленную семью. И соединять их не насилием, не принуждением, а любовью к свету как одному из первых и самых необходимых условий для осуществления идеала справедливости на земле. Кто бы вы ни были, мой читатель, – библиотекарь или книгопродавец, переводчик или издатель, автор или вообще распространитель и читатель книг, учащий или учащийся, – все вы должны запастись именно знанием этого книжного ядра, а это последнее для всех вас в своих главных, основных чертах *одинаково*. Все вы должны получить представление, во-первых, о круге знаний в их целом, о *системе* их, во-вторых, о лучших книгах, существующих ныне в каждой отрасли знания, о их оценке, их характеристике и т. д. Если вы библиотекарь – в вашей библиотеке необходимо должен находиться систематический подбор книг, удовлетворяющий запросам читателей к общему образованию. Если вы книгопродавец, вам нужен *тот же* список общеобразовательных книг, потому что большинство покупателей – все те же стремящиеся к образованию. Если вы издатель, то, лишь познакомившись с наличием общеобразовательного ядра, вы можете себе составить представление о том, что вам издавать.

Если вы вообще человек, стремящийся к самообразованию, – вы должны отдать себе отчет в существовании всех отраслей знания как единой системы и лучших книг в каждом отделе его. О широком литературном развитии пишущей братии, о необходимости возможно полного и глубокого знакомства ее с книжным ядром уже было сказано выше. *Центральное место в деле изучения книжных богатств занимает изучение книжного ядра, а изучать это последнее одинаково важно для всех работников книжного дела.* <...>

§ 15. Теория книжного ядра и его изучение

<...> К детальному изучению книжного ядра мы теперь и переходим. Мы будем говорить о нем как о едином целом, и так как это самое ядро представляет собой некоторую совокупность книг, некоторую библиотеку, особым образом, по особой системе составленную, то мы в нашем дальнейшем изложении и будем называть это книжное ядро *общеобразовательной библиотекой*, а комплект книг, для нее необходимых, каталогом *общеобразовательной библиотеки*. Далее, встречая у нас это последнее название, не следует забывать, что этот библиотечный каталог есть вместе с тем – каталог книжного магазина, ставящего своей задачей помогать делу общего образования; тот же каталог представляет собой и пособие для самообразования и образования, для читателей разных типов. Дело библиотек, книжных магазинов и самообразования – дело общее, и интересы всех их – интересы общие. Учение о библиотечном ядре представляет собой связующее звено для всех отраслей книжного дела, а служение возможно широкому распространению и возможно быстрому круговращению книг, входящих в состав этого ядра, – вот общая задача, и только при ее разумной и целесообразной, правильной постановке и практическом осуществлении возможно и материальное процветание вышеупомянутых просветительных учреждений. <...>

Глава II. Общий очерк теории библиотечного ядра

§ 16. По какому плану и в каких целях подбирать книги для библиотек и книжных магазинов?

Все существующие книги можно разделить на три главных типа:

1. Книги *общеобразовательного характера* по всем главнейшим отраслям литературы и науки, необходимые широким кругам читателей, и прежде всего тем, кто посредством чтения стремится пополнить свое недостаточно законченное образование и выработать систематическое общее мирозерцание, необходимое каждому человеку, кто бы он ни был и на какой бы ступени общественной лестницы и духовного развития ни стоял.

2. Книги *специальные*, заключающие в себе сведения по какой-либо одной или нескольким, близко между собою связанным отраслям знания, – книги, необходимые прежде всего специалистам для их кропотливых и детальных работ по тому или иному вопросу и не интересные читателям-неспециалистам в этой области знания.

3. Произведения *злободневные*, быстро теряющие свой интерес вследствие своего назначения служить только текущей жизни, книги «пункта и момента» – уставы, отчеты и т. п., документы текущего времени, умирающие вместе с ним, не интересные ни для специалистов, ни для неспециалистов, но имеющие большое служебное значение для общественной жизни. <...>

Все библиотеки и книжные магазины по составу книг, в них находящихся, могут быть разделены на такие типы, в зависимости от того, распространению какого типа книг служит данная библиотека или книжный магазин, и какие книги представляют наибольший интерес для данного читателя.

а) Библиотеки и книжные магазины *специальные*, заключающие в себе книги по какой-либо одной или нескольким отраслям знаний, обслуживающие главным образом специалистов – работников;

б) Библиотеки и книжные магазины *общеобразовательные*, обслуживающие широкую публику и главным образом имеющие в виду ее стремление к образованию и самообразованию;

с) Библиотеки и книжные магазины *смешанного типа*, библиотеки-книгохранилища, принимающие в свои недра и хранящие там *всякие* книги, не отказывающиеся ни от какой книги и стремящиеся сохранить всякое произведение печати от нарушения времени, независимо от спроса на него со стороны читателей.

Из всех типов библиотек и книжных магазинов нельзя не поставить на первое место именно тип *общеобразовательный*. Учреждения этого типа не только должны идти навстречу запросам самообразования, но и иметь такую организацию, чтобы возможно полнее и целесообразнее удовлетворять их. <...>

Из вышенамеченных трех типов образовательных учреждений мы остановим наше внимание исключительно на этом центральном, т. е. общеобразовательном, типе. Мы будем говорить только о таких из них, которые ставят главной своей задачей *идти на помощь общему образованию путем рационального содействия планомерному и самостоятельному чтению*.

Мы будем говорить теперь об общей схеме подбора книг для общеобразовательных библиотек и книжных магазинов.

§ 17. Первый принцип подбора: систематичность, закругленность, законченность

«...» Общеобразовательная библиотека или магазин должны содержать в себе определенный *цикл книг*. В их основе должна лежать определенная *схема знаний*, в основе которой должна, в свою очередь, лежать определенная *схема явлений природы*, охватывающая *всю жизнь*, всю Вселенную; первая схема должна явиться отражением второй. Случайность подбора, случайность плана и в том и в другом случае не должны иметь места. Правильно организованное общеобразовательное учреждение (будь то библиотека или книжный магазин), составленное не по куцей и односторонней программе, должно отражать собою прежде всего саму жизнь, во всем разнообразии ее проявлений, во всем бесконечном множестве ее сторон и областей. Другими словами, в его основе должен лежать определенный научный план, имеющий не только субъективное, но и объективное значение. На этом плане следует немного остановиться.

Поставим, прежде всего, такой вопрос: каким требованиям каких читателей должна удовлетворять правильно организованная общеобразовательная библиотека и тем более книжный магазин? Ответ на этот вопрос, в самой общей формулировке, может быть только один: они должны удовлетворять *всем* запросам всех читателей, ищущих общего образования. «...»

Но каким же способом этого достигнуть? Опять-таки этого можно достигнуть одним способом, а именно – положив в основу подбора книг определенную систему или *цикл наук*, цикл знаний и идей. Если в этот цикл войдут все области жизни, мысли и знания, и все они будут представлены книгами в достаточно полной степени, и к тому же книгами начиная от самых популярных, то всякий читатель, кто бы он ни был, найдет в библиотеке или магазине, организованных таким образом, то, что ему желательно там найти. *Поэтому систематический подбор книг – это первое необходимое требование, какое следует предъявить к правильно организованной общеобразовательной библиотеке или книжному магазину.*

«...» Библиотека должна служить человеческой личности, а через ее посредство служить жизни. По этому определению, понятие «общеобразовательной библиотеки» или «общеобразовательного» книжного магазина должно быть существенно пополнено: к их задачам должно быть отнесено и служение злобе дня, ее пониманию, ее выяснению, наконец, созданию или умножению сознательных работников и борцов путем чтения таких книг, которые не только дают знание, но также и понимание, и настроение. Как вечная истина, так и жгучая злоба дня должны найти в библиотечном ядре каждая свое место. Общеобразовательные библиотеки и книжные магазины должны служить посредством определенного подбора книг не только распространению знаний, но и пониманию и настроению.

§ 18. Второй принцип: экспонирование законченной и закругленной системы перед лицом читателей

«...» Другими словами, *каталог общеобразовательной библиотеки должен быть каталогом рекомендательным*. То же самое должно сказать и про каталог хорошего книжного магазина. «...» Каталоги хороших книжных магазинов, как это и поняли уже некоторые из них, должны помочь этому.

Самый каталог должен служить некоторым ручательством за качества указываемых им книг, за их литературную, историческую или какую-либо иную ценность. Он должен указывать место каждой книги в общей системе каталога, а значит – и в общей системе знаний: он должен говорить сам за себя. Он должен служить читателю руководством для знакомства с система-

тическим подбором лучших книжных богатств, пособием, живым, деятельным руководителем среди этих богатств, указывая лучшие и, по крайней мере, в данное время еще незаменимые книги и вместе с тем предоставляя самый широкий простор в выборе материала для чтения самому читателю, ничем не стесняя этого выбора, а, напротив, самой системой рекомендации подчеркивая необъятный простор и грандиозность человеческого знания.

§ 19. Третий принцип: примат жизни в системе каталога

Рекомендательный каталог должен раскрыть перед читателем не только совокупность *книжных богатств*, но и совокупность *явлений мировой жизни*. Он должен рисовать *общую схему* этих явлений, потому что эта схема явлений есть вместе с тем и план *самообразования и общего мирозерцания*, выработка которого и составляет цель нашего труда. При такой постановке дела и самые заголовки отделов и подразделов явятся уже своего рода вехами в путешествии читателя, при помощи рекомендуемых каталогом книг, по всем уголкам Вселенной. Такой каталог развернет перед читателем схему цельного и определенного мирозерцания. Он же должен вести не только от книги к книге, но и от науки к науке, от одной отрасли знаний к другой, уясняя не только эти последние, но и соотношение их между собою, заинтересовывая как частностями, так и обобщениями и затем обобщениями этих обобщений, так, чтобы читатель ни на минуту не забывал, что мир един и неразделен, что в нем бесконечное множество тесно связанных между собою сторон, *неотделимых* друг от друга, но *отделяемых* человеческим умом и классифицируемых под разными рубриками лишь вследствие несовершенства человеческого ума и лишь для большего удобства изучения. Другими словами, каталог правильно организованной общеобразовательной библиотеки или магазина должен давать читателю общую картину не только анализа, но и синтеза мира. Заглавия отделов – это своего рода *библиотечный скелет*, где каждая косточка осмысливается своим отношением к другим его частям.

§ 20. Жизнь как единое целое в системе каталога

«...»Переходя от одной рубрики каталога к другой, читатель вместе с тем мысленно, так сказать, делает и обзор всей совокупности человеческой и мировой жизни, мысли и знания.

Прежде всего, следующие три основных круга жизни, три цикла явлений располагаются в этой схеме в своем естественном порядке: во-первых, круг жизни самой *интимной*, самой близкой для каждого человека, жизни обыденной, со всеми ее мелочами и мелочишками, со всеми переживаниями, внешними и внутренними; во-вторых, жизни *социальной*, общественной, в той же мере охватывающей своим целым как данного человека, так и всех прочих людей, и, наконец, в-третьих, жизни *космической*, жизни Вселенной, ничтожнейшую частичку которой составляет и человек. Беллетристика, а с нею и другие изящные искусства являются выражением жизни интимной – выражением, равноценного которому не дает никакой другой отдел литературы. Науки о человеческом обществе обнимают второй круг, науки о природе – третий круг. Поэтому на первом плане стоит в каталоге литература настроений – беллетристика – один из отделов изящных искусств, за которым следует ряд других искусств – мир воплощенных эмоций и ярких жизненных образов. За беллетристикой следует публицистика – мир общественных стремлений и течений, а за ней – этика, высшая нравственная оценка эмоций и стремлений, как личных, так и общественных, затем естественно следует отдел социальной жизни и как введение в него – отдел истории, в котором раскрывается историческая жизнь человечества как единого социального целого. За историей этого целого следуют обзоры *отдельных его сторон*, затем естественное их завершение, их синтез – социология – краткое резюме обще-

ственной жизни человечества, наука, формулирующая самые законы существования и развития человеческого общества вообще. <...>

Таким образом, переходя от отдела к отделу, от одной отрасли знания к другой, от одного круга явлений к другому, из области в область, читатель, по мысли составителя этой книги, восстанавливает в своем уме общую картину мироздания. Он от жизни социальной переходит к жизни органической, к явлениям психо-биологическим, от них – к явлениям неорганической природы. Но и этим еще не заканчивается общая схема. Недостаточно изучить мир – необходимо изучить и оценить *самые орудия его изучения* – именно изучающий, анализирующий и синтезирующий *разум*. Так, из области мироведения, стремясь все глубже и глубже в поисках за истиной, мы входим в область тех наук, на которых зиждется самое *изучение* мира, и, наконец, самые основы этого изучения, – именно *человеческое познание*. А над всем этим стоит философия – наиболее общий и глубокий синтез всего познаваемого и познающего, заключающий собой общую картину, – своего рода вершина научной пирамиды, верхняя точка чрезвычайно сложного здания, опирающегося на бесконечно большое число сложных и изменчивых фактов, из совокупности которых и складывается самая жизнь природы, понимая это слово в самом широком смысле.

§ 21. Четвертый принцип: при постройке общей схемы должна быть принята в расчет эволюция человеческого мышления, история человеческой мысли

<...> Переходя от отдела к отделу или от науки к науке, читатель вместе с тем переходит в более и более детальных рубриках от одной стороны жизни к другой и постепенно анализирует Вселенную. Далее, идя от общих обзоров к обзорам частных и от *анализа* отдельных сторон жизни, изучаемых отдельными науками, он переходит к *синтезу* мира как единого целого – к философии как общему результату всех наук, к общему мирозерцанию и миропониманию, охватывающему в единой общей концепции все науки, все системы, всю жизнь. По мысли составителя, таким образом распланированный каталог общеобразовательной библиотеки должен раскрывать перед читателями не только *названия знаний*, но и общую *связь и перспективу* их – своего рода галерею наук, фактов и идей, логически и реально между собой связанных, взаимно друг друга дополняющих и углубляющих и всей своей совокупностью сходящихся в одной точке, а именно – человеческой личности, ее критически и научно мыслящем разуме, опирающемся на реальные, проверенные факты и путем гипотез и их научной проверки идущем от обобщения к обобщению. Библиотека, как это было уже сказано, *может и должна* представлять собой *книжное отражение Вселенной*, всех ее областей – и в отдельности, и в связи, в частностях и в целом.

§ 22. Пятый принцип: историческая и вообще эволюционная точка зрения

<...> Вселенная – это не что иное, как ряд бесконечно следующих одна за другой перемен. Все изменяется в пространстве и времени, все вместе с тем относительно. Все имеет свою историю. Все можно и должно рассматривать с исторической точки зрения. Время есть архитектор и фактор, и верховный судья.

Поэтому, преследуя вышенамеченную цель общего образования и сообразуя с этой целью подбор книг, и желая дать не только пособие при их *выборе*, но и общую *схему* постепенно расширяющихся и углубляющихся знаний, нельзя не отвести в этой схеме подобающего места *исторической точке зрения*. История – это переход от простого к сложному или от сложного к простому, превращение одного явления в другое, а этого в третье, во много других явлений.

Говоря об общей схеме самообразования (а значит, и о подборе книг), нельзя не развернуть перед читателем возможно полнее и возможно шире общие перспективы фактов и теорий не только в пространстве, но и во времени, начиная, например, с наиболее близкой нам современности и все более и более погружаясь в глубину времен, переходя от истории человечества к истории предшествующей ему органической жизни, а затем к истории неорганической природы, к истории Космоса. В своих основных чертах общий план каталога экспонирует и историческую последовательность главнейших фаз мировой эволюции. Это и видно из предыдущего.

Но и этого еще недостаточно. Историческая и эволюционная точка зрения должна быть продолжена еще и в ширину. Во-первых, есть история фактов, явлений, во-вторых, еще есть история *объяснений* этих фактов, их толкований, их теорий. Если для понимания мироздания, т. е. для общего образования, крайне важно знать факты и их вечный поток, изменяющийся в течение времени, то не менее важно знать и историю группировки этих фактов, производимую человеческим умом в разные исторические моменты по-разному. Самые идеи и теории о современности, об истории человечества, о человеческом обществе, о психической и биологической жизни, об основных законах вещества и силы и о всем Космосе тоже ведь имели свою историю, и изучать современные представления и учения о них – это значит изучать единый момент в ряде многих других моментов, прошлых и будущих. Поэтому историческую точку зрения на явления мировой жизни мы должны дополнить исторической точкой зрения на самые теории о ней и потому истории *теорий* отвести в нашем каталоге почетное место, насколько только нам позволит наличность имеющихся на русском языке книг. Борьба с догматизмом, по нашему глубокому убеждению, – одна из задач правильно поставленного общего образования. <...>

§ 23. Шестой принцип: факты впереди теории и гипотез. История – оценщик и судья

<...>Задача самообразования заключается в том, чтобы каждая усвоенная идея опиралась на факты. Человек, работающий над своим самообразованием, должен усвоить и факты и идеи. Поэтому при распространении общего образования путем определенного подбора книг нельзя не отводить одного из самых важных мест таким книгам, которые дают читателю знание фактической стороны данного вопроса; а потому и при организации библиотеки или книжного магазина в их каталогах нельзя не выдвигать книг о фактах на первый план, а на второй план за ними ставить идеи и концепции, их объясняющие; поэтому и в нашем каталоге мы старались заканчивать каждый его отдел теорией или философией данной отрасли знания, делая ее как бы заключительным его аккордом. Поэтому же мы ставили, например, историю и описание современного политического ли экономического строя прежде теорий их – то есть учения о праве и политической экономии, зоологию и ботанику раньше биологии и т. д. Так мы делали по возможности в каждом отделе. То же самое, и в силу тех же соображений, мы сделали и в конце всего каталога. Философия как общая теория мироздания, *общая теория теорий*, общее резюме и сводка философий отдельных наук – это «обобщение обобщений» и является в нашем каталоге, так сказать, заключительным резюме в ряде других таких же.

§ 24. Основные требования, предъявляемые нами к каталогу

<...> ...рационально составленный каталог, имеющий в виду тех, кто работает над своим самообразованием, в целях выработки общего мирозерцания, должен удовлетворять, прежде всего, следующим четырем крайне важным требованиям:

1. Он должен указать такому читателю книги по всем главнейшим отраслям знаний, входящим в систему общего образования.

2. Он должен дать их читателю в определенной системе, так, чтобы читатель мог видеть эту систему в самом каталоге, из самого распределения отделов в нем, чтобы это самое распределение их уже раскрывало читателю одну область Вселенной за другой.

3. Развертывая, таким образом, картину Вселенной, самым подбором книг для такого каталога нужно помогать знакомству с книгами и даже оценке их содержания – в одних случаях фактического, в других теоретического, – не забывая при этом, что и факты и теории имеют свою историю. Поэтому в основу того же каталога надо положить еще следующие более частные принципы:

а) Нужны книги, дающие знание фактов. Нужны книги, знакомящие с теориями.

б) Сначала факты, затем теории.

с) И факты и теории – в связи с их историей.

4. Каталог же должен указывать читателю тот путь, по которому должен идти человек, серьезно и вдумчиво работающий над своим самообразованием, над выработкой своего общего мирозерцания.

Первые три требования – это требования теоретические, четвертое требование – педагогическое, практическое. Удовлетворяя первому, мы рисуем картину мира в пространстве и времени посредством определенного подбора лучших книг. Удовлетворяя второму, мы идем навстречу *личности человеческой* – данному человеку, живущему в определенном уголке земного шара, в определенный исторический момент, с определенной жадью света и правды. Удовлетворение же одновременно двух вышеуказанных требований – это синтез общего, мирового с частным, индивидуальным, это призыв и посильная помощь личности человеческой выйти из своего уголка, чтобы охватить всеми силами своего духа жизнь человека, жизнь человечества, жизнь Космоса.

§ 25. Седьмой принцип. Терпимость к чужим мнениям

«...» ... подбирая книги для каталога общеобразовательной библиотеки, отнюдь не следует замалчивать тех мнений, которые почему-либо кажутся неверными, несправедливыми, несимпатичными составителям каталога. «...» И если история породила эти мнения и позволила им получить распространение, значит, с этими мнениями нельзя не считаться. Нужно дать себе отчет – что же именно породило их, какие именно условия этому благоприятствовали или благоприятствуют? Что их оправдывает, что их опровергает с исторической точки зрения? «...» необходимо производить оценку всякого мнения с социальной (общественной) точки зрения – с точки зрения той общественной среды, в которой данное мнение возникло. Давно уже замечено, что между всяким мнением и этой его общественной средой всегда существует некоторая связь, то резко бросающаяся в глаза, то скрытая. Всякое мнение неотделимо не только от человека, его имеющего, но и от *интересов* этого человека. На характер человеческих мнений не может не оказывать огромного влияния характер человеческих интересов. «...»

Никакое мнение без его социальной оценки, как и без оценки исторической, понято быть не может. Но и этой оценки еще недостаточно. «...» ...для мнений необходима еще высшая оценка, с точки зрения их истинности, т. е. их соответствия с действительностью. И, правда, одно дело *факт*, и совсем другое дело – мнение о факте, одно дело – жизнь, и другое дело – ее понимание. Истиной называется, как это уже было сказано выше, согласие мнения с фактами. Между тем нередко истиной называются не только мнения, не совпадающие с действительностью, но и заведомо искажающие ее в силу интересов, пристрастия, привычек, инстинктов, заблуждений, логических ошибок, преданий и т. д. и т. д. Оценивать мнения с этой третьей точки зрения – это значит отделять в них то, что соответствует действительности, от того, что

не соответствует ей. Всякое мнение можно рассматривать не только как мнение, в основе которого лежит некоторое стремление, желание, домогательство, но и как факт. И в качестве фактов наука подвергает все мнения тоже более или менее строгому изучению и исследованию. Даже не вдаваясь в оценку их с социальной или какой-либо иной точки зрения, наука изучает характер мнений, их сущность, их соответствие с действительностью в данное время, в данном месте, их логичность или нелогичность и т. д. <...>

Одно дело – действительность и другое дело – нравственная ценность ее. Одно дело – познание истины, другое дело – оценка ее, определение ее этической и социальной ценности. Из предыдущего следует, что всякие мнения, а тем более такие, которые имеют общественное значение, не только нельзя замалчивать, но необходимо знать и оценивать как с исторической, так и с социальной, научной и этической точек зрения. Не наши личные мнения и оценки должны служить нам руководством для подбора книг, а *история мнений* и самый факт их существования в окружающей нас жизни. Разносторонняя оценка мнений и историческая точка зрения, руководящая подбором их, думается нам, лучший способ не превращать себя в цензоров и не иметь ничего общего с цензурой. <...>

Придавая особенно важное значение принципу терпимости для очень широких кругов русских читателей, мы позволим себе впоследствии несколько подробнее остановиться на нем, а также возвращаться к нему не раз и в нашем дальнейшем изложении.

§ 26. Восьмой принцип: составляя списки книг, не забывайте о читательских типах и их характерных особенностях

<...> По мысли составителя, как мы видели, каталог должен представлять собой своего рода *лестницу отделов*, по которой каждый желающий, если только он ретивый читатель, мог бы идти вверх *своими средствами*. И это не только в том случае, если он – личность выдающаяся, но и тогда, когда он самый обыкновенный человек из толпы. <...>

Читатели, как и люди вообще, бывают не только различных степеней образовательной подготовки, но и различных складов ума, различных особенностей в области чувства и воли и вообще различных характеров, темпераментов, типов, и книга, очень подходящая к читателям одного типа и их вполне удовлетворяющая, нередко совершенно не подходит к читателям других типов. Нужно иметь в виду, говоря о наличии книжных богатств и о их подборе, читателей, по крайней мере, наиболее характерных и распространенных типов. Итак, мы имеем еще следующие три требования:

5. При общей распланировке отделов необходимо принимать относительную читаемость книг.

6. В каждый отдел вводить книги различной трудности понимания.

7. Наконец, книги, подходящие для различных психических и социальных типов читателей. <...> (Главы III–V опущены).

Глава VI. Читатель и книга

§ 75. Работники книжного дела и машинки для выдавания и продавания книг

<...> Ни библиотекари, ни книгопродавцы, ни издатели не умеют распространять книги. Они обыкновенно лишь поджидают, когда сам читатель придет к ним и спросит книгу; они плохо умеют, а то и совсем не умеют рекомендовать книгу читателю, а рекомендовать ему

книгу подходящую – и тем более, как мы знаем из личных знакомств со многими и многими работниками книжного дела, эти последние в большинстве случаев не имеют ни малейшего представления о том, что, собственно, следует называть «подходящей» книгой. <...>

Стоя у книжного дела, прежде всего надо понять его основную задачу, его глубоко общественный, можно сказать, исторический, мировой смысл; надо понять его непосредственную, практическую связь с духовной жизнью человечества; надо понять, что, стоя около такого дела, даже слабый из слабых делается сильным, если только он возьмет в свои руки орудие истины и справедливости, против которого беспомощны все силы ада; нужно *почувствовать* этот переход, возможный для всякого мало-мальски жизненного человека – переход от бессилия к силе, от бессмысленной жизни к осмысленной – превращение из человека, еще вчера, быть может, загнанного и забитого, в человека, понимающего, что он делает, и куда идет, и как надо это делать, и как идти; надо почувствовать непосредственную связь каждого отдельного работника с чем-то великим, светлым, радостным, непреодолимым, что называется работой для лучшего будущего и своей родной страны, и других стран, путем органической, планомерной работы в целях распространения знания, понимания, настроения. <...>

§ 76. Надо вдумываться в душу читателя

Чтобы быть хорошим распространителем хороших книг, *надо вдумываться в душу читателя*. Надо почувствовать и понять ее искания. Надо особенности этой души понять и, поняв, пойти им навстречу. Надо почувствовать и понять ее искания. <...> Только вдумываясь в читательскую психологию, чутко и внимательно присматриваясь к этой душе и стараясь понять ее в связи с общими условиями места и момента, можно делать хорошее дело действительно хорошо. На этой же психологической и социальной почве должно быть поставлено и дело самообразования. Попробуем наметить в самых общих чертах некоторые практические приемы, необходимые для такой постановки.

Чтобы читатель принялся за чтение книги, нужно, во-первых, чтобы он узнал о ней, о ее существовании, о некоторых, хотя бы наиболее важных качествах ее; во-вторых, нужно, чтобы читатель заинтересовался всем этим; в-третьих, чтобы он нашел данную книгу настолько для него нужной, что отдал бы часть своего времени на ее чтение; в-четвертых, нужно, чтобы читатель нашел ее не только нужной, но еще понятной, а главное – интересной, чтобы книга действительно затронула и разум, и чувство читателя. Но и этого еще мало. Все силы книги не в том, чтобы «шевелить мозги и душу», и не в том, чтобы представлять собой, как выражался Н. М. Карамзин, «приятное чтение, не оскорбляющее вкуса», а в том, чтобы книга затрагивала *волю*. Затрагивать волю – в этом и состоит главная задача книжного дела. Будь книга чисто научной или будь она сборником самых чувствительных стихов, будящих самые тонкие и даже возвышенные чувства, – не в этом главная ценность, не в этом значение книги. Правда, можно и даже должно быть ей благодарным и за такие ее влияния и чувствовать даже счастье за сладкие минуты, проведенные за ее чтением. Но не в этом выражается главная сила книги. Ее суть в том, чтобы побуждать волю, порождать действия, проявлять силу, способную *в жизни* оставлять свой след, – и так, чтобы, исследуя результаты, действия как явление объективное, можно было судить о самой книге: вот что она дает жизни при таких условиях. Давать знания, понимание, настроения, пуская книгу в ход, – вот что значит приближать ее к жизни.

§ 77. Ознакомление с книгами путем их описывания

Что нужно делать, чтобы читатель мог узнать книгу? Книжная практика выработала целый ряд приемов для знакомства читателя с книгой. <...>

Основным приемом, ведущим к цели наиболее рационально, должна быть *правильно организованная и возможно объективная, описательная, систематическая* рекомендация книг. <...>

Мы придаем этому слову наиболее широкий смысл. Рекомендация прежде всего ничего не должна навязывать и никого не должна стеснять. Она должна лишь раскрывать перед читателем, во-первых, по возможности полную и обоснованную *систему знаний*, во-вторых, давать по возможности полный список относительно хороших книг, имеющихся в обращении, такой список, который говорил бы не только о названии, но и о характере книг. Все прочее – дело самого читателя. Библиотечный каталог, как мы уже говорили, должен по возможности облегчать всякому желающему приобретение общего мирозерцания, указывать *систему*, указывать *дороги*, или, точнее говоря, лестницу знаний, а по какой дороге и куда идти – это пусть решает сам читатель. Большинство начинает свое чтение с отдела беллетристики и затем поднимается по ступеням каталожной лестницы все выше и выше. Но это не единственно возможный путь: работать над выработкой общего мирозерцания можно, идя, так сказать, и сверху вниз, и снизу вверх, и даже скачками. Каждый отдел библиотечного каталога, даже каждая книга могут быть рассматриваемы как исходный пункт, от которого живой человеческой душе открыты дороги во все стороны. Каждый читатель может начинать свое дело самообразования на свой собственный лад, идя от того вопроса, который кажется ему в данное время наиболее интересным и занятным. Важно только одно – чтобы, начав это дело, читатель не прекращал его, а переходил бы от книги к книге, из отдела в отдел, из одной области знания в другую, и это до тех пор, пока не будет пройдена сверху вниз или снизу вверх вся лестница знаний. <...>

Спрашивается теперь, как сделать так, чтобы читатель возможно меньше ошибался в пригодности книги, им для себя выбираемой? Для этого необходимо, чтобы читатель с помощью каталога мог судить, во-первых, *о содержании* книги, во-вторых, *о степени ее понятности* для него как читателя, стоящего на такой-то ступени образования. Ознакомлению читателей с содержанием книг, вводимых в каталог, помогает отчасти выписывание полных заглавий их. Но судить о содержании книги по одному заглавию далеко не всегда представляется возможным.

<...> ... мы рекомендуем составителям библиотечных каталогов возможно тщательнее относиться к библиографической стороне дела и, вписывая книги в каталог, пометать: 1) фамилии авторов; 2) их имена; 3) названия книг, воспроизводя их без всяких, даже ничтожных, сокращений; 4) имена переводчиков, буде книга переводная, с указаниями, с какого языка она переведена; 5) номера и свойства издания (напр., 2-е, 3-е, «исправленное», «сокращенное», «с изменениями» и т. п.); 6) имя издателя или название издательской фирмы; 7) год и место печатания; 8) цену книги продажную и даже 9) число страниц, шрифт и формат, чтобы читатель имел возможность судить по каталогу даже о размерах книги, соображая эти данные с количеством времени, которым он располагает. Официальное библиографическое издание прибавляет к этому еще указания и веса книги, адреса типографии, где книга печаталась, и адреса склада ее. <...>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.